

НОА СТОРМ

**УКРАДЕННАЯ
СВОБОДА**

Украденная свобода

Ноа Сторм

В книге сочетаются документальные фрагменты и художественная реконструкция. Там, где точные слова и действия участников неизвестны, сцены и диалоги воссозданы автором. Некоторые персонажи являются собирательными образами, отдельные детали изменены.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Человек, который хотел объединить мир

Глава 2. Смертельная схватка: 12 лет за веру

Глава 3. Истоки преследований и первые удары. Почему их так боятся?

Глава 4. Как любовь родителей превратилась в пытку

Глава 5. Последний рубеж. Что будет дальше?

Источники

Пролог

Восьмое июля 2022 года. Нара. Этот день начался как сотни других в душном, влажном лете Японии. Город, дышащий древностью, где олени бродят по улицам как священные посланники богов, не ожидал стать эпицентром масштабного потрясения.

У железнодорожной станции Ямато-Сайдайдзи собралась небольшая толпа. Обычная предвыборная рутина: речи, лозунги, вежливые аплодисменты. В центре внимания — Синдзо Абэ, бывший премьер-министр и самый долго занимавший этот пост в послевоенной истории Японии, главный деятель современной японской геополитики, фигура колоссального масштаба. Он говорил о будущем страны, о необходимости сильной экономики, о безопасности. Его голос, знакомый каждому японцу, разносился над площадью, уверенный и спокойный.

Тэцую Ямагами. Сорок один год. Бывший военнослужащий Морских сил самообороны Японии. В его руках было нечто странное, замотанное в черный скотч — самодельное огнестрельное оружие, собранное из труб и батарей.

Два громких хлопка, похожих на взрывы фейерверка, разорвали ткань реальности. Первый выстрел прошел мимо. Абэ обернулся. Второй выстрел ударил в цель. Пуля попала в шею и верхнюю часть тела, повредив жизненно важную артерию. Дым рассеялся, и мир увидел, как самый влиятельный политик Японии оседает на асфальт. Абэ был срочно доставлен вертолетом в университетскую больницу Нары, где позже был объявлен мертвым. В этот момент, когда кровь смешалась с пылью мостовой, закончилась целая эпоха. Но настоящий взрыв произошел не на площади. Он случился позже, в комнате для допросов, когда Ямагами, глядя в пол пустыми глазами, произнес

слова, которые станут детонатором самой масштабной массовой истерии и необоснованных преследований лиц в XXI веке.

Он объяснил следователям, что его действия не были политически мотивированы. По его словам, Церковь Объединения разрушила его семью: мать отдала организации все свои сбережения. Он пытался убить лидера церкви, но не смог добраться до него, поэтому решил устранить того, кто был с ним связан.

Сказанное Ямагами мгновенно превратило трагедию государственного масштаба в религиозный триллер. Убийца в одночасье стал жертвой в глазах медиа, а жертва — косвенным виновником. Логика толпы перевернулась: если человек убил из-за обиды на религию, значит, религия виновата в убийстве. Забыв о презумпции невиновности, забыв о том, что Абэ был убит хладнокровно и расчетливо, японское общество, а за ним и весь мир, обрушили свой гнев на организацию, чье название всплыло в признании стрелка.

Началась кампания, по своему размаху и ярости сравнимая лишь с преследованиями христиан в Римской империи или охотой на коммунистов в эпоху маккартизма. Но в центре этой бури стоял не Синдзо Абэ. И даже не Тэцуя Ямагами. В центре стоял силуэт человека, умершего за десять лет до этих событий. Человека, чья жизнь была одной большой провокацией для статус-кво.

Глава 1. Человек, который хотел объединить мир

Сеул, 1954 год. Город лежит в руинах после разрушительной Корейской войны. Страна разорвана надвое, миллионы семей

разделены, экономика уничтожена. В этом хаосе, в крошечной хижине, построенной из ящиков из-под армейских пайков и кусков жести, молодой человек тридцати четырех лет регистрирует новую организацию. Его зовут Мун Сон Мён.

В тот момент это казалось безумием. У него не было ни денег, ни влияния, ни даже нормальной крыши над головой. Его паства состояла из горстки истощенных людей, которые верили ему больше, чем собственным глазам. И все же он дает своей организации название, которое звучит как вызов самой вселенной: Церковь Объединения, основана как Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства. Не «Церковь Сеула», не «Корейская миссия». Он заявляет о прецеденте на объединение всего христианского мира, а через него — и всего человечества.

Его девиз прост и радикален: «Одна семья под Богом». Контраст между реальностью и амбициями был абсурдным. В глазах традиционных церквей он был еретиком. В глазах властей — подозрительным проповедником. Но у Муна было то, чего не было у других: абсолютная, стальная уверенность в том, что ему поручена особая религиозная миссия завершить дело, которое, по его учению, не было завершено Иисусом Христом.

Он проповедовал не просто спасение души на небесах. Он говорил о необходимости построить Царство Божье на земле, здесь и сейчас. И это строительство должно начаться с самой базовой, самой разрушенной единицы человеческого общества — с семьи. То, что последовало дальше, не поддается рациональному объяснению с точки зрения обычной социологии. В основе всего лежала идея, столь же простая, сколь и революционная: Истинная Семья.

Для западного обывателя 80-х и 90-х годов, воспитанного на идеалах сексуальной революции и индивидуализма, учение Мун Сон Мёна казалось анахронизмом или безумием. В то время как мир

провозглашал «свободную любовь», Церковь Объединения требовала абсолютной чистоты. Никакого алкоголя. Никаких наркотиков. Никакого курения. И, самое главное, — полный запрет на добрачные связи и абсолютная, священная верность в браке.

Для западного обывателя 80-х и 90-х годов, воспитанного на идеалах сексуальной революции и индивидуализма, учение Мун Сон Мёна казалось анахронизмом. В то время как мир провозглашал «свободную любовь», Церковь Объединения требовала строгой моральной дисциплины: воздержание до брака и абсолютную верность супругу после заключения брака, который рассматривался как священный союз, получивший «Благословение».

Первого июля 1982 года Нью-Йорк замер. В спортивном комплексе «Мэдисон-сквер-гарден» собрались 2075 пар. Четыре тысячи сто пятьдесят человек. Невесты в одинаковых белых платьях, женихи в строгих синих костюмах. Для телекамер, жадных до сенсаций, это выглядело как парад роботов. Репортеры захлебывались эпитетами: «свадьба зомби», «принудительный брак». Они не видели и не хотели видеть лиц. А если бы они присмотрелись, то увидели бы не пустые глаза, а трепет и надежду. Для участников это не было «массовым мероприятием». Это было таинство. Многие из них были из разных стран, разных рас, порой даже не зная языка друг друга. Это был вызов расизму и национализму на генетическом уровне.

Идея заключалась в том, чтобы преодолеть историческую вражду народов через семьи. В некоторых случаях пары действительно формировались из представителей стран, ранее находившихся в конфликте, что рассматривалось как символ примирения. В том же году в Сеуле прошла ещё одна крупная церемония Благословения, в которой участвовали тысячи пар. Но амбиции Муна простирались далеко за пределы семейного очага. Пока критики искали компромат в спальнях верующих, организация разворачивала глобальную сеть гуманитарных

инициатив, масштаб которых мог бы поспорить с деятельностью небольших государств.

Одной из таких структур стала Федерация женщин за мир во всем мире (WFWP). Созданная в 1992 году супругой Муна, Хан Хак Джа, эта организация совершила то, что казалось невозможным. Она отправила тысячи японских женщин-волонтеров в страны, которые когда-то пострадали от японского милитаризма. Это было покаяние в действии. Японские женщины ехали в джунгли Африки, в трущобы Азии и Латинской Америки не как туристы, а как работники. Они строили школы, учили местное население грамоте, открывали медицинские пункты. Они жили в условиях, от которых отказались бы сотрудники ООН, и делали это бесплатно. Это движение получило консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН, признание, которое невозможно купить, его можно только заслужить реальными делами.

Параллельно работала Федерация за всеобщий мир (UPF) и Всемирная ассоциация неправительственных организаций (WANGO). Это были площадки для диалога, где за одним столом собирались бывшие враги. В то время как политики строили стены, UPF строила мосты, организуя конференции по устойчивому развитию, правам женщин и межрелигиозному примирению. Они действовали там, где дипломатия заходила в тупик. Образование было еще одним направлением этой тихой битвы за будущее. Мун Сон Мён прекрасно понимал: чтобы изменить мир, нужно воспитать новое поколение лидеров. В 1986 году в Южной Корее был основан университет Сонмун. То, что начиналось как скромная теологическая семинария, превратилось в современный кампус, где тысячи студентов со всего мира изучали не только богословие, но и биотехнологии, международные отношения и искусство. Но самым громким проектом стало спасение Бриджпортского университета в США.

В начале 90-х этот старейший вуз Коннектикута был на грани банкротства. Профессора бастовали, кампус ветшал, кредиторы стучали в двери. Мун предложил инвестиции. 110 миллионов долларов. Эта сумма спасла университет от закрытия. Либеральная пресса взывала: «Секта покупает академию!». Студенты протестовали, опасаясь, что на лекциях по физике их заставят изучать Божественный Принцип. Но ничего подобного не произошло. Университет сохранил академическую свободу, обновил лаборатории и общежития. Инвестиции Муна просто позволили науке выжить. Культурные проекты также играли важную роль. Детский танцевальный ансамбль «Маленькие ангелы Кореи» был основан в 1962 году и выступал во многих странах мира, включая выступления перед мировыми лидерами.

Пожалуй, самым мощным инструментом, вызвавшим наибольшую ярость противников, стала медиаимперия. В 1982 году, в разгар Холодной войны, в Вашингтоне появилась новая газета — The Washington Times. Столица США к тому моменту была монополизирована либеральной прессой, в частности The Washington Post. Консервативный голос, голос антикоммунизма и традиционных ценностей, был заглушен. Мун Сон Мён решил изменить правила игры. Он вложил миллиарды долларов в создание профессиональной, качественной ежедневной газеты. Она критиковала советскую систему, поддерживала жесткую антикоммунистическую линию и быстро приобрела влияние в политических кругах Вашингтона. Президент США Рональд Рейган публично благодарил газету за её роль в политической дискуссии эпохи Холодной войны. Но, пожалуй, самой невероятной главой в этой истории является дипломатия высшего уровня. Для фундаменталистов других религий он был лжепророком, посягнувшим на их монополию на истину. Но парадокс заключался в том, что пока его демонизировали в прессе, называя «лидером культа» и «промывателем мозгов», мировые лидеры искали встречи с ним. И эти встречи меняли ход истории.

Апрель 1990 года. Москва. Кремль. Советский Союз доживает последние дни, но все еще остается грозной сверхдержавой. Мун Сон Мён, человек, которого советская пропаганда годами рисовала как главного шпиона ЦРУ и врага народа, входит в кабинет Михаила Горбачева. Это была встреча невозможного с невероятным. Мун не пришел просить. Он пришел предложить помощь в духовном и экономическом обновлении СССР, но при одном условии: свобода вероисповедания. Горбачев, лидер атеистической империи, пожал ему руку. Фотография этого рукопожатия облетела мир, вызвав шок у критиков. Россия 90-х занимает особое место в этой хронике. После падения «железного занавеса» страна оказалась в духовном вакууме. Марксизм рухнул, православие только начинало возрождаться. Люди жаждали смыслов. И Церковь Объединения пришла на этот зов. В 1992 году организация была официально зарегистрирована Министерством юстиции РФ. Начался период бурного роста. Проводились семинары для педагогов, где учителям, всю жизнь преподававшим научный атеизм, рассказывали о нравственных абсолютах. Интеллигенция, уставшая от цинизма, с интересом воспринимала идеи объединения науки и религии. Это был «медовый месяц», который, к сожалению, продлился недолго, пока православное лобби и спецслужбы не усмотрели в этом угрозу своему влиянию.

В 1991 году произошло событие, которое, с одной стороны, можно охарактеризовать как сюрреалистическое. Мун Сон Мён, человек, которого режим Северной Кореи приговорил к смерти и который провел три года в концлагере Хыннам, прилетел в Пхеньян. Он встретился с Ким Ир Сенем. С человеком, который был воплощением зла для Южной Кореи. Весь мир затаил дыхание. Что это? Предательство? Безумие? Это был акт радикального миротворчества. Мун обнял своего врага. Они говорили о воссоединении семей, о ядерной безопасности, об экономических проектах. Именно после этой встречи The Washington Times опубликовала первое и единственное интервью с Ким Ир Сенем

в западной прессе. Они встретились не как враги, а как братья. Мун, рискуя жизнью, прямо в лицо «Великому Вождю» говорил о том, что только Бог может объединить Корею. И Ким Ир Сен слушал. Они подписали соглашения, которые на годы вперед открыли двери для диалога между Севером и Югом. Помимо этого, Мун инвестировал в автомобильный завод в Северной Корее (Pyeonghwa Motors), чтобы показать, что диалог возможен не через прицел винтовки, а через сотрудничество.

Итак, факты лежат на столе. По итогу насчитывалось 487 образовательных центров. 28 университетов. Газета, формировавшая политику Белого дома. Школы в Африке. Встречи с Никсоном, Эйзенхауэром, Киси, Горбачевым. Разве это похоже на деятельность маргинальной группы, крадущей деньги у старушек? Масштаб этих проектов говорит об обратном. Это была работа глобальной корпорации, целью которой была не прибыль, а влияние. Влияние на умы, на культуру, на будущее. И здесь мы подходим к самому главному вопросу, который заставляет кровь стыть в жилах. Почему организация, которая спасала университеты, кормила голодных и мирила враждующие страны, была объявлена врагом? Ответ прост и страшен одновременно: они были слишком эффективны. Они не просто молились в своих храмах. Они лезли в политику, в медиа, в образование. Они создавали альтернативу. Альтернативу либеральному мейнстриму, альтернативу коммунизму, альтернативу потребительскому образу жизни.

Масштаб личности Муна не укладывался в прокрустово ложе понятия «секта». Секты замыкаются в себе, они строят стены, чтобы отгородиться от мира. Мун строил мосты. Он инициировал проект тоннеля под Беринговым проливом, чтобы соединить Америку и Россию. Он финансировал футбольные клубы, симфонические оркестры и балетные школы, веря, что искусство и спорт могут быть инструментами мира. Он был визионером, мыслившим категориями столетий, а не

электоральных циклов. Так почему же? Почему этот человек, посвятивший жизнь идее мира во всем мире, стал объектом такой яростной, иррациональной ненависти? Почему в Японии его последователей, таких как Тору Гото, можно было похищать среди бела дня, держать в заключении годами, и общество молчаливо кивало, одобряя это?

Ответ кроется в природе самой его миссии. Мун Сон Мён бросил вызов не просто политическим системам. Он бросил вызов человеческому эгоизму. Он утверждал, что корень всех проблем — не в экономике и не в политике, а в разрушенной связи человека с Богом и в искаженной любви внутри семьи. Он ждал от людей не просто веры, а полной самоотдачи. «Живи ради других» — этот принцип звучал прекрасно в теории, но на практике он требовал жертвенности, которая пугала обывателя. За несколько десятилетий крошечная группа из грязного сеульского переулочка превратилась в глобальную империю духа и материи. К началу XXI века движение насчитывало миллионы последователей в более чем ста девяноста странах мира. Но успех имеет свою цену. Чем выше поднимался Мун, тем шире становилась его проекция, и тем больше врагов скапливалось за ней. Он был слишком неудобен. Слишком масштабен. Он не вписывался ни в одну из привычных категорий. Для коммунистов он был заклятым врагом. Он тратил сотни миллионов долларов на образовательные программы, разоблачающие марксизм, в то время как западные интеллектуалы флиртовали с левыми идеями. В Японии, где левые движения были традиционно сильны среди интеллигенции и профсоюзов, это сделало его мишенью номер один. Именно здесь, в Японии, начала формироваться сеть юристов и активистов, для которых борьба с Церковью Объединения стала смыслом жизни и источником дохода. Те самые люди, которые десятилетия спустя будут аплодировать поступку Ямагами.

Параллельно с этими событиями стремительно набирало силу антикультовое движение, возникшее в 70-х годах, которое выстраивало свой нарратив, основанный на страхе. Страхе родителей, что их дети выберут путь, отличный от карьеры юриста или врача. Страхе общества перед силой, которую оно не может контролировать. Они придумали термин «промывание мозгов», псевдонаучную концепцию, позволяющую объяснить любой искренний религиозный выбор как результат манипуляции. Это стало идеальным алиби для репрессий, в том числе и для последователей Церкви Объединения. Если верующий — это «зомби с промытыми мозгами», значит, у него нет прав. Значит, его можно похитить «для его же блага». Значит, его можно «депрограммировать».

Выстрел в Наре 8 июля 2022 года стал кульминацией этой войны. Тэцуя Ямагами не просто убил экс-премьера. Он дал в руки врагам Церкви Объединения самое мощное оружие — моральное оправдание уничтожения. Медиа мгновенно подхватили этот посыл: «Посмотрите, до чего доводит эта церковь! Она разрушает семьи так сильно, что люди берутся за оружие!». Никто не задал вопрос: а может быть, проблема в том, кто годами разжигал эту ненависть, превращая личную семейную драму в топливо для идеологической войны?

Мун Сон Мён ушел из жизни в 2012 году, в возрасте 92 лет. Но битва за его наследие только разгоралась. И теперь, после смерти Абэ, эта битва перешла в новую, самую жестокую фазу. Японское правительство, подгоняемое общественным мнением, начало процедуру роспуска организации. То, что не смогли сделать ни КГБ, ни диктаторы, ни конкуренты, теперь пытались сделать бюрократы и юристы, используя преступление одиночки как повод для коллективного наказания сотен тысяч верующих.

Разрыв между медийным образом «страшного культа» и реальностью глобальной корпорации добра был не просто велик — это была пропасть, заполненная мифами и намеренной ложью. Для

понимания причин, по которым Тэцуя Ямагами нажал на курок и почему японское общество быстро поверило версии о «злой империи», стоит заглянуть за кулисы — увидеть то, что не попадало в заголовки желтой прессы. Необходимо понять философию, которая заставляла тысячи людей, подобных Тору Гото, жертвовать своим комфортом ради чего-то большего, именно через призму его страданий мы можем увидеть и осознать истинное лицо этой глобальной драмы

Глава 2. Смертельная схватка: 12 лет за веру

Время в заточении имеет другую плотность. Оно не течет, как вода; оно капает, как густая, черная смола. Одна капля — один день. Четыре тысячи пятьсот тридцать шесть капель. Если вы закроете глаза и попытаете сосчитать до этого числа, вы устанете. Тору Гото прожил каждое из них.

В западной части Токио, где бетонные артерии района Огикубо пульсируют жизнью миллионов людей, есть ничем не примечательное здание — «Lions Mansion». Типичный муравейник для среднего класса: бежевая плитка, аккуратные балконы, безликие коридоры. Но квартира номер 804 была не просто жилым пространством. Это была аномальная зона. Внутри этой квартиры, за дверью, укрепленной стальной цепью и навесным замком, двенадцать лет и пять месяцев существовал человек, которого официально уже не было в этом мире.

Представьте себе комнату в шесть татами. Чуть больше девяти квадратных метров. Это размер стандартной парковки для автомобиля. Теперь заберите оттуда солнечный свет. Окна заклеены плотной полупрозрачной пленкой, поверх которой нагромождена мебель, чтобы

ни один случайный взгляд с улицы не мог проникнуть внутрь. Воздух здесь спертый, тяжелый, пропитанный запахом немытого тела, страха и дешевой еды. Здесь нет часов. Здесь нет календаря. Только бесконечное «сейчас», растянутое на десятилетие. Тору Гото сидел на тонком футоне, поджав ноги. Его колени, когда-то крепкие, превратились в острые углы, обтянутые пергаментной кожей. Он не видел своего лица в зеркале годами, но мог нащупать изменения пальцами: ввалившиеся щеки, выступающие скулы, ребра, которые можно пересчитать, как струны на расстроенной гитаре. К концу этого срока весы покажут цифру, несовместимую с нормальной жизнью взрослого мужчины ростом 170 сантиметров — пятьдесят килограммов. Но это будет позже. Пока он был просто узником собственной семьи.

Это началось не с наручников, а с предательства. Самый страшный яд всегда подается в самой красивой чаше. Осенью 1995 года Тору, тогда еще 31-летний мужчина, полный энергии и веры, приехал в родительский дом. Он думал, что едет на семейный ужин. Он не знал, что едет на собственное похищение, растянутое на двенадцать лет. Сценарий был написан заранее. Его авторы не носили масок грабителей. Это были люди, чью кровь он разделял: отец, мать, брат, жена брата. А режиссером этого кошмара был человек, чье имя станет синонимом ужаса для тысяч верующих в Японии — Такаши Миямура. Профессиональный «депрограмматор». Человек, превративший насилие над душой в процветающий бизнес. Он убедил семью Гото, что спасение сына требует его полного разрушения.

— Мы делаем это ради тебя, Тору! — этот крик матери станет рефреном его кошмаров. Она плакала, запирая замок. Она приносила ему еду, глядя глазами, полными слез и фанатичной решимости. Это была самая извращенная форма любви — любовь, которая душит, считая, что спасает от утопления.

Первые месяцы были похожи на шторм. Квартира превратилась в проходной двор. Ежедневно к нему вламывались группы людей — от

семи до двенадцати человек. Это была свита Миямуры: бывшие верующие, которых он уже сломал и превратил в своих послушных марионеток, и родственники. Они окружали Тору плотным кольцом. Они кричали. Они толкали. Они швыряли ему в лицо газеты с «разоблачениями».

— Отрекись! — рычал Миямура, нависая над ним. — Просто подпиши бумагу, и ты выйдешь отсюда. Ты думаешь, твой Бог спасет тебя? Посмотри вокруг! Где Он? Здесь только мы.

Тактика была простой и жестокой: сенсорная депривация, сменяющаяся сенсорной перегрузкой. Лишение сна, лишение приватности, унижение человеческого достоинства. Когда Тору отказывался слушать, они включали громкую музыку или кричали ему в уши. Когда он пытался молиться, они смеялись. Когда у него заболели зубы, ему не вызвали врача — ему бросили плоскогубцы. «Сделай сам или терпи». И он терпел. Боль стала его единственным доказательством реальности. Тору объявил голодовку. Первый раз — на двадцать один день. Второй раз — на тридцать дней. Он превращался в мумию. Его тело поедало само себя, мышцы атрофировались, сознание мутило. В любом цивилизованном мире это назвали бы пыткой. Но в Японии конца 90-х это называлось «семейным делом». Полиция, получая сигналы о пропаже человека, приходила к дверям, видела улыбающихся родителей, которые говорили: «Сын немного приболел, у нас все в порядке», — и уходила. Без ордера. Без проверки. Без вопросов.

В это же время мир за стенами квартиры 804 стремительно менялся. Рухнули башни-близнецы в Нью-Йорке. Появились социальные сети. Япония пережила экономические взлеты и падения. Тору Гото ничего этого не знал. Для него мир сжался до размеров татами и лица его тюремщика.

В 1997 году его перевезли в Ниигату, в еще более изолированное место. Там режим ужесточился. Ему запрещали двигаться. Ему

запрещали мыться месяцами. Он покрывался грязью, струпьями и отчаянием. Он стал живым экспериментом: сколько может выдержать человеческий разум, прежде чем рассыплется на осколки? Однако Миямура допустил одну фатальную ошибку. Он недооценил материал, из которого был сделан этот человек. Депрограмматор привык ломать слабых. Он привык, что через неделю, месяц, полгода жертва ломается, рыдает, подписывает отречение и становится частью его системы. Но Гото молчал. Или молился. Его молчание было громче их криков. Внутри своего разума он построил крепость, куда они не могли войти. Он перечитывал по памяти страницы Священного Писания, восстанавливал проповеди, вел бесконечные диалоги с Богом.

Пока Тору гаснул заживо, на другом конце земного шара постепенно начинали вращаться шестеренки международной юстиции. Его имя стало появляться в отчетах Госдепартамента США о свободе вероисповедания. В Женеве, в стенах ООН, правозащитники шепотом, а затем и в голос начали говорить о «японской аномалии». В 2010 году, уже после его освобождения, его дело ляжет в основу доклада НПО А/HRC/14/NGO/49. Но тогда, в начале 2000-х, он был всего лишь призраком. Одним из 4300 человек, похищенных и подвергнутых насильственной депрограммации. Только он продержался дольше всех. Двенадцать лет. Представьте ребенка, родившегося в день похищения Тору. К моменту его освобождения этот ребенок уже заканчивал начальную школу. Целая жизнь.

Развязка наступила внезапно. Это было 10 февраля 2008 года. Двенадцать лет напряжения истощили семью Гото. Родители постарели, их фанатизм сменился тупой усталостью. Бдительность ослабла. В тот зимний день замок оказался открыт. Охрана отсутствовала. Тору встал. Его ноги дрожали так сильно, что он едва мог удерживать равновесие. Мышцы, не знавшие нормальной ходьбы более десятилетия, отказывались повиноваться. Он был одет в лохмотья. Но он толкнул дверь. Она поддалась. Холодный февральский ветер ударил ему в лицо,

как пощечина. Он вышел на улицу. Ослепительный свет. Шум машин. Запахи выхлопных газов, еды, бензина. Мир обрушился на него лавиной звуков и красок. Он не знал, где находится. У него не было денег, документов, телефона. Но у него был инстинкт почтового голубя, возвращающегося домой.

Он пошел. Шатаясь, держась за стены домов, пугая прохожих своим видом изможденного призрака, он брел по улицам Токио. Он прошел десять километров. Десять километров боли и свободы. Когда он добрался до штаб-квартиры Церкви Объединения в районе Сёто, охранники сначала не узнали его. Перед ними стоял скелет, обтянутый кожей, с горящими глазами.

— Я Тору Гото, — прохрипел он. — Я вернулся.

Медицинское освидетельствование зафиксировало катастрофу: крайнее истощение, атрофия мышц, следы от оков, серьезные повреждения внутренних органов. Но он был жив. И он требовал справедливости. Когда Тору Гото пришел в прокуратуру Токио с заявлением о возбуждении уголовного дела против Миямуры и своих родственников, перед ним захлопнули дверь.

— Нет состава преступления, — сказал прокурор, не глядя ему в глаза. — Это семейный конфликт. Недостаточно доказательств принуждения.

Недостаточно доказательств. Двенадцать лет в запертой комнате. Следы цепей. Медицинские карты. Свидетельства соседей, слышавших крики. Этого было «недостаточно» для японской системы правосудия, которая панически боялась признать, что годами покрывала индустрию похищений. Тогда началась вторая война Тору Гото. Война юридическая. Война, где оружием были не молитвы, а иски, апелляции и прецеденты. Прокуратура отказала трижды. Но Тору пошел в гражданский суд. Это была битва Давида против Голиафа, где Голиафом была не только семья и депрограмматор, но и общественное

мнение, подогреваемое СМИ. Адвокаты защиты пытались выставить его сумасшедшим. Они утверждали, что он сидел в квартире добровольно, «чтобы поразмышлять о вере». Это была ложь такого масштаба, что она захватывала дух. Но факты — упрямая вещь. Дневники, которые Тору удавалось вести на обрывках бумаги и прятать в щелях пола, стали его голосом в суде.

31 декабря 2014 года Окружной суд Токио вынес вердикт: виновны. Судья Тацуя Мацуи признал действия Миямуры и семьи незаконным лишением свободы и пыткой. В 2015 году Верховный суд Японии поставил точку, отклонив апелляцию ответчиков. Это была победа. Первая в истории. Прецедент, который должен был остановить конвейер насилия. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но почему история Тору Гото не стала просто главой в учебнике истории права, а остается кровоточащей раной в истории Церкви Объединения? Потому что зло многолико. Миямура проиграл суд, но идеология ненависти никуда не делась. После трагического убийства Синдзо Абэ в 2022 году, когда внимание мира вновь обратилось к Церкви Объединения, старые демоны проснулись. Журналисты вроде Эйто Судзуки, словно забыв о двенадцати годах ада, через которые прошел Гото, начали кампанию клеветы, пытаясь переписать историю, представить жертву виновником, а палачей — героями.

Автобиография Тору Гото, вышедшая в свет 10 февраля 2025 года, ровно через семнадцать лет после его побега, стала ответом на эту новую волну преследований. На ее презентации, перед лицом трехсот человек, стоял не сломленный старик, а воин. Он говорил тихо, но каждое его слово было тяжелее камня. *«Я — один из 4300»*, — сказал он. И в этой цифре кроется истинный масштаб трагедии. За спиной Тору стоят тысячи призраков. Тех, кого сломали. Тех, кого заставили отречься. Тех, кого изнасиловали психологически и физически под эгидой «депрограммирования». Его история — это вершина айсберга, скрытого в темных водах японского общества. Международные

организации — от Госдепартамента США до Комитета по правам человека ООН — годами били тревогу, указывая на дело Гото как на вопиющий пример нарушения религиозных свобод. Но слышит ли мир?

Если демократическое государство, гордящееся своими законами, позволяет похищать человека и удерживать его 4536 дней только потому, что его вера кому-то не нравится... Если полиция отворачивается, а прокуроры закрывают папки... Если общество готово оправдать пытки словом «забота» ... В чём же истинная причина этих преследований — в опасности самой Церкви, или в страхе тех, кто не может вынести существования иной истины?

Антикультовая сеть может простить чудаков, которые танцуют с бубнами на улице, но никогда не прощает тех, кто покупает газеты, способные свалить президента, и кто строит заводы во вражеских государствах. Тору Гото сидел в тюрьме не потому, что его вера была «странной». Он сидел потому, что был «солдатом армии», которая реально угрожала сложившемуся миропорядку. Не оружием, а идеей. И эта идея была настолько мощной, что против нее мобилизовали всё: от похитителей-депрограмматоров до убийц с самодельными дробовиками. В этом свете история с убийством Абэ выглядит совсем иначе. Это не месть одиночки. Это кульминация многолетней войны на уничтожение конкурента, который посмел предложить миру иной путь развития — путь «Одной семьи под Богом», где нет места границам, которые так тщательно охраняют сильные мира сего.

Глава 3. Истоки преследований и первые удары. Почему их так боятся?

США начала семидесятых напоминали гигантский вокзал после крушения поезда: дым еще не рассеялся, а выжившие уже не понимали, куда и зачем они ехали. Десятилетие открылось под аккомпанемент вертолетных лопастей, уносящих последних солдат из Вьетнама, и грохот рушащихся политических алтарей Уотергейта. Американская мечта, эта выглаженная скатерть пятидесятых, была залита кровью Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, прожжена кислотой психоделической революции и разорвана студенческими бунтами. Среди руин доверия к государству и традиционным институтам, родилось поколение, которое больше не желало наследовать уютный конформизм своих отцов. Молодежь, выросшая в тени ядерного гриба, жаждала не просто перемен, а тотального обновления духа. Именно в этот момент на американскую сцену вышла Церковь Объединения, став для одних порталом в новую реальность, а для других — величайшим кошмаром в истории западного среднего класса.

Паника, охватившая американские пригороды, не имела прецедентов. Вчерашние студенты престижных университетов, будущие юристы и врачи, внезапно оставляли свои перспективы, чтобы продавать цветы на углах улиц и проповедовать пришествие Истинных Родителей. Для биологических родителей, чей мир зиждился на предсказуемости карьерной лестницы, это выглядело не как религиозный поиск, а как внезапная смерть личности. Как объяснить то, что их послушный ребенок вдруг обрел стальную уверенность, перестал употреблять наркотики и начал говорить о спасении мира через жертвенность? Рациональный разум обывателя отказывался признавать свободную волю в таком радикальном выборе. Требовалось объяснение, которое сняло бы вину с семьи и превратило выбор

ребенка в медицинскую катастрофу. Так родилась социальная потребность в теории, которая могла бы объявить веру болезнью, а обращение — преступлением против психики. На этот зов откликнулась Маргарет Сингер, создав концепцию, ставшую на десятилетия вперед главным идеологическим кнотом безжалостных преследований двадцатого века.

Маргарет Сингер, психолог с академическим бэкграундом, совершила виртуозный интеллектуальный подлог. Она взяла терминологию «промывания мозгов», разработанную в годы Корейской войны для описания пыток военнопленных, и наложила её на добровольные религиозные общины. Её ключевой тезис был столь же прост, сколь и дискриминационен: традиционные, «респектабельные» религии влияют на человека «правильно», а новые движения — используют «психологическое принуждение» и «контроль сознания». Это было рождение псевдонаучного дуализма, где грань между проповедью и «ментальным насилием» определялась лишь датой регистрации религиозной организации и степенью её непохожести на привычный протестантизм. Идея «контроль сознания» стала идеальным алиби для нетерпимости. Она утверждала, что адепт Церкви Объединения — это не верующий, а зомби, лишенный субъектности. А раз у него нет собственной воли, значит, по отношению к нему не действуют конституционные права на свободу совести. Этот логический маневр позволил легализовать в глазах общества депрограммирование — насильственное похищение людей с целью их «психологической ломки». Сингер создала теоретический фундамент для концлагеря в стенах обычной квартиры, оправдывая насилие «заботой о возвращении личности». Но теория без организации — это лишь шум в академических кулуарах. Для реализации полномасштабной войны требовались структуры, способные превратить родительский гнев в политический капитал. Так в США возникла AFF (American Family Foundation), ставшая интеллектуальным штабом антикультизма, где

Сингер и её единомышленники ковали терминологическое оружие. В Великобритании в 1976 году Пол Роуз основал FAIR (Family Action Information & Rescue), чьё название само по себе было манипуляцией: оно обещало «спасение» там, где на деле происходило подавление. В Германии те же процессы приняли еще более зловещую форму с появлением «Родительских инициатив» (к примеру, Münchener Elterninitiative или Ei), которые быстро превратились в сетевую структуру по выявлению и травле инакомыслящих. Эти группы не просто обменивались информацией; они создавали глобальное пространство страха, где любая активность Церкви Объединения интерпретировалась как гроза, проникающая в святая святых западного общества — семью.

Однако если в Америке антикультизм драпировался в одежды психологии, то в Германии он обнажил свои темные теологические корни, уходящие в почву, которую мир надеялся навсегда оставить в 1945 году. Центральной фигурой здесь стал Фридрих-Вильгельм Хаак, пастор и «уполномоченный по сектам», чья деятельность стала живым мостом между нацистской идеологией и современным антикультизмом. Хаак не был просто обеспокоенным священником; он был прямым идеологическим наследником Вальтера Кюннета, человека, который в тридцатые годы обосновывал необходимость «очистки» христианства от «еврейского влияния». Кюннет проповедовал специфический «христианский антисемитизм», утверждая, что иудаизм является проклятием, а любое отступление от догмы — угрозой национальному духу. Именно у Кюннета Хаак заимствовал методологию борьбы с религиозными меньшинствами, адаптировав её под новые реалии. Связь Хаака с нацистским прошлым была не просто метафорической, она была институциональной. По его инициативе была возрождена структура под названием «Рабочая группа по религиозным и идеологическим вопросам» (Arbeitsgemeinschaft für Religions- und Weltanschauungsfragen). Для любого, кто помнил немецкую историю,

это название звучало как эхо отдела в ведомстве Розенберга или Гиммлера. Хаак использовал те же лексические конструкции, что и пропагандисты Третьего рейха: он называл верующих «существами, лишенными достоинства», описывал их как «ментальных паразитов» и призывал к «санитарной очистке» общества. В его риторике Церковь Объединения заняла место «мирового врага», против которого допустимы любые методы. Это был прямой фашизм, переодетый в защиту протестантской этики. Именно Хаак ввел в оборот термин «молодежные религии» как клеймо, подразумевающее инфантильность и несамостоятельность последователей, фактически лишая миллионы людей права на взрослое религиозное решение.

Почему именно Церковь Объединения стала главной мишенью этого масштабного механизма пропаганды? Как уже было отмечено, Мун Сон Мён строил не просто приход, а глобальную альтернативу. В мире, где антикоммунизм был уделом стареющих генералов, он предложил молодежи активную, жертвенную борьбу за свободу. В мире, где семья распадалась под ударами сексуальной революции, он провозгласил святость брака и «Благословение», которое объединяло враждующие нации. Последователи Муна были счастливы, они строили университеты, выпускали влиятельные газеты и мирили президентов, значит это прямое доказательство тому, что теория «промывания мозгов» была ложной. Для антикультистов это было невыносимо. Чтобы спасти свою концепцию, Сингер, Хаак и их последователи должны были доказать, что этот успех — лишь результат «манипуляции». Они создали зеркальный мир, где добродетель объявлялась симптомом, а преданность — болезнью. Трагедия Церкви Объединения в семидесятых заключалась в том, что она оказалась слишком велика для рамок привычного религиозного спора. Она бросила вызов не только другим церквям, но и монополии государства на контроль над сознанием молодежи. Антикультовое движение стало своего рода «аутсорсингом репрессий». Государства, связанные конституционными

гарантиями, не могли напрямую запрещать веру, но они могли поощрять «частные инициативы» Хааков и Сингеров, которые делали за них грязную работу. Формировался консенсус ненависти: пресса давала скандальные заголовки о «зомби», психологи поставляли псевдонаучные диагнозы, а депрограмматоры за закрытыми дверями выбивали из людей веру. Был запущен идеальный маховик по уничтожению репутации, который работал без сбоев десятилетиями.

Теория «промывания мозгов» никогда не была научным открытием. Она была идеологическим спецсредством, таким же, как слезоточивый газ или дубинки полицейских, только направленным на разрушение души. Она заложила фундамент для бесконечной череды преследований, кульминацией которых станут годы заточения Тору Гото и выстрелы в Наре. Алгоритм вражды, написанный в кабинетах психологов и пасторских домах 1970-х, продолжает исполняться, напоминая нам о том, как легко уничтожить демократию, если предварительно объявить кого-то «лишенными разума». Рождение теории «промывания мозгов» стало не просто главой в истории психологии, оно стало моментом, когда западный мир согласился пожертвовать свободой ради иллюзии безопасности родительского контроля, открыв ящик Пандоры.

Япония: коммунисты начинают войну. Для Мун Сон Мёна противостояние коммунизму никогда не было вопросом лишь политической конъюнктуры или борьбы за сферы влияния в рамках Холодной войны. Его позиция имела глубоко теологический, почти метафизический корень, уходящий в личный опыт страданий и глубокое убеждение в том, что марксизм-ленинизм представляет собой не просто ошибочную экономическую теорию, а прямую попытку уничтожить саму идею Бога в человеческом сознании. В теологии Муна коммунизм виделся как «царство Сатаны», как абсолютное воплощение зла, которое стремится разорвать связь между Творцом и Его творением. Это была идеология, возведшая атеизм в ранг

государственной религии и заменившая духовные ценности материалистическим детерминизмом. «Мы должны защитить свободный мир от коммунизма», — заявлял Мун, и в этих словах слышался не призыв политика, а голос человека, пережившего ужасы концлагеря Хыннам, где северокорейские власти пытались стереть его личность за проповедь веры.

Именно этот экзистенциальный опыт сделал его антикоммунизм бескомпромиссным. Для него защита демократического Запада была равносильна защите алтаря, на котором еще теплился огонь религиозной свободы. К началу 1980-х годов, когда Холодная война вступила в свою фазу максимального напряжения, деятельность Муна в этом направлении приобрела глобальный институциональный характер. В 1980 году по его инициативе была создана CAUSA — Confederation of the Associations for the Unification of the Societies of the Americas (рус. «Конфедерация ассоциаций за объединение обществ Америк»). Это был интеллектуальный центр, предложивший миру концепцию «Божизма» (Godism) как прямую идейную альтернативу марксизму. Мун Сон Мён понимал, что коммунизм нельзя победить только силой оружия; его нужно победить силой мысли, заполнив духовный вакуум, который порождал левый радикализм. Божизм проповедовал, что источником человеческого достоинства и прав является Бог, а не государство, и что единство человечества возможно только через признание общего Небесного Родителя. Масштаб деятельности CAUSA поражал воображение: организация работала в 21 стране, проводя масштабные семинары и образовательные конференции. Это была тонкая работа с элитами — сенаторами США, высокопоставленным духовенством, интеллектуалами и консервативными активистами. Мун создавал глобальную сеть людей, способных противостоять идеологической экспансии СССР не на уровне лозунгов, а на уровне глубокого понимания ценностей свободного мира.

Особое внимание CAUSA уделяла Латинской Америке, которая в те годы превратилась в поле ожесточенной битвы. Поддержка никарагуанских «контрас» стала для организации делом чести. Мун Сон Мён видел в движении сопротивления сандинистам последний барьер на пути установления тоталитарных режимов в Центральной Америке. В 1986 году при финансовой поддержке CAUSA был снят документальный фильм «Nicaragua Was Our Home» («Никарагуа был нашим домом»), который стал мощным инструментом контрпропаганды, обнажая реальность коммунистической диктатуры. Мун инвестировал миллионы долларов в поддержку антикоммунистических сил, понимая, что, если свободный мир проиграет битву в своем «заднем дворе», падение всей системы будет лишь вопросом времени. Это прямое вмешательство в геополитику вызывало ярость левых интеллектуалов на Западе, которые начали формировать образ Муна как «опасного правого фанатика», игнорируя тот факт, что его действия были продиктованы защитой тех самых свобод, которыми они пользовались для его критики.

Параллельно с деятельностью в Америке, Мун Сон Мён выстраивал связи с европейским и советским сопротивлением. Его взаимодействие с европейскими диссидентскими сетями, включая Resistance International — организацию, созданную во Франции в мае 1983 года по инициативе Владимира Буковского и Армандо Вальядареса, стало важной главой в истории крушения «железного занавеса». Для советской разведки и пропаганды Мун превратился в фигуру номер один в списке врагов. Москва в пропагандистских публикациях клеймила его как «антикоммуниста номер один», «наймита ЦРУ» и «лидера фашистской секты». Эта демонизация имела четкую цель — лишить Муна легитимности и представить его антисоветскую деятельность как результат заговора спецслужб, а не искреннего религиозного порыва. Кульминацией этого противостояния в Европе стала осень 1985 года. Когда Михаил Горбачев, на которого Запад тогда

возлагал огромные надежды как на реформатора, прибыл в Париж, его ждал крайне холодный прием. Члены Церкви Объединения совместно с диссидентами организовали акции протеста, напоминая миру о продолжающихся репрессиях в СССР и о том, что за улыбкой генсека скрывается всё та же машина подавления. Это была пощечина советской дипломатии, в те годы советские структуры и лояльные им медийные площадки усиливали кампании дискредитации антикоммунистических религиозных движений, включая круги, связанные с Муном, чтобы нанести ответный удар. Самым ожесточенным участком фронта оказалась Япония.

Февраль 1987 года в Токио выдался пасмурным и холодным, но в одном из конференц-залов столицы атмосфера была накалена до предела. Группа из трехсот юристов, объединенных не столько защитой права, сколько общей идеологической страстью, провозгласила создание структуры, которой суждено было стать самым эффективным инструментом политической вендетты в современной истории Японии. Официальное название — Национальная сеть юристов против духовных продаж (яп. 全国靈感商法対策弁護士連絡会, *Zenkoku Reikan-shōhō Taisaku Bengoshi Renraku-kai*, сокр. *Zenkoku Benren*, или NNLSS) — звучало как типичная инициатива по защите прав потребителей. Однако за этим фасадом скрывался генеральный штаб, разворачивающий полномасштабное наступление на своего главного идейного соперника. Это не было защитой обманутых покупателей сувениров; это было началом «финальной войны» против Церкви Объединения и её политических союзников. Понимание причин, по которым группа адвокатов развязала конфликт религиозной организации, требует возвращения на два десятилетия назад — в эпоху, когда судьба Японии решалась не в залах судов, а в яростных столкновениях на улицах и в кулуарах власти.

Война началась задолго до 1987 года. В 1960-х Япония балансировала на грани великого левого поворота. Коммунистическая

и Социалистическая партии, опираясь на мощные профсоюзы и студенческие радикальные движения, чувствовали, что власть находится на расстоянии вытянутой руки. Улицы Токио тонули в протестах против договора о безопасности с США, а красные флаги казались неизбежным будущим Страны восходящего солнца. Левые силы были убеждены в своем превосходстве, пока не столкнулись с силой, которую они фатально недооценили. Этой силой стала «Международная федерация за победу над коммунизмом» (International Federation for Victory over Communism, IFVOC), созданная основателем Церкви Объединения Мун Сон Мёном. Там, где консервативные политики из Либерально-демократической партии (ЛДП) проявляли нерешительность и мягкость, IFVOC действовала с решимостью крестоносцев. Они вышли на те же улицы, предложив альтернативную идеологию, и начали систематически разрушать монополию левых на молодежное сознание.

Для японских коммунистов поражение шестидесятых стало не просто политической неудачей, а глубокой психологической травмой. Они проиграли идеологическую битву в тот самый момент, когда победа казалась гарантированной. Главным организатором контрнаступления с японской стороны был Нобусукэ Киси, бывший премьер-министр и человек колоссального политического веса. Киси, будучи убежденным антикоммунистом, увидел в движении Муна идеального стратегического союзника. Это был альянс, основанный на железной логике Холодной войны: Киси обеспечивал политическое прикрытие и легитимность, в то время как Церковь Объединения предоставляла дисциплинированные кадры, способные противостоять левым радикалам на местах. Дружба между Киси и Муном, подкрепленная общим видением Японии как оплота против красной угрозы в Азии, стала тем фундаментом, на котором выстраивалась стабильность ЛДП на протяжении десятилетий. Левые юристы, многие из которых были активными членами Компартии или Социалистической партии, затаили

обиду, которая со временем превратилась в проект «коллективной мести». Они понимали, что пока Церковь Объединения сильна, их доступ к власти будет заблокирован. Прямые политические дебаты и уличные протесты больше не работали — общество устало от радикализма. Требовалась новая тактика, способная демонизировать оппонента в глазах обывателя. Проиграв войну на площадях, левые решили перенести её в залы судов, превратив юриспруденцию в продолжение политики иными средствами. Именно так родилась стратегия стигматизации, в центре которой стоял специально сконструированный термин — «духовные продажи» (reikan shōhō).

Внедрение термина «духовные продажи» было гениальным маркетинговым ходом в рамках черного пиара. Юристы во главе с Хироси Ямагути, чьи связи с Социалистической партией были секретом полишинеля, понимали, что прямая атака на свободу вероисповедания вызовет сопротивление в правовом поле. Поэтому они решили перевести дискурс из области теологии в область коммерческого мошенничества. Любое пожертвование, любая покупка религиозного артефакта или даже традиционная для Японии плата за молитву об предках стали интерпретироваться как «эксплуатация духовных чувств ради прибыли». Это позволило>NNLSS создать конвейер судебных исков, где религиозная организация заранее объявлялась виновной в использовании «манипулятивных техник». Создание>NNLSS в 1987 году не было случайным совпадением. Это был год, когда левые силы Японии переживали глубокий кризис идентичности на фоне мирового заката социалистической системы. Им нужен был внутренний враг, победа над которым могла бы консолидировать электорат. Сеть юристов стала своего рода «опричниной» Компартии, действующей под маской правозащиты. Хироси Ямагути и его соратники не скрывали своих целей в узких кругах: их задачей было не вернуть деньги конкретному истцу, а перекрыть финансовые потоки Церкви Объединения, тем самым лишив IFVOC и правых политиков их

мобилизационного ресурса. Каждое судебное решение, вынесенное под давлением этой сети, становилось кирпичом в стене изоляции, которой они стремились окружить своих оппонентов. В основе деятельности>NNLSS лежала сложная система психологического и юридического давления. Они не просто принимали жалобы; они активно искали бывших членов организации, используя агрессивные методы депрограммирования. Если человек отказывался подавать иск против своей бывшей церкви, его убеждали, что он является жертвой «промывания мозгов». Судебная система Японии, традиционно чувствительная к общественному мнению, начала прогибаться под натиском этого организованного меньшинства. Левые юристы умело манипулировали медиа, вбрасывая истории о «разрушенных семьях» и «потерянных состояниях», полностью игнорируя тот факт, что подавляющее большинство членов организации жили обычной, продуктивной жизнью. Эта избирательность была сознательной — в войне за уничтожение репутации истина всегда становится первой жертвой.

Связь между Нобусукэ Киси и Мун Сон Мёном была представлена юристами>NNLSS не как стратегический антикоммунистический союз, а как некий «темный заговор», угрожающий демократии. Они превратили исторический факт сотрудничества в повод для демонизации всей политической верхушки Японии. Каждое упоминание ЛДП рядом с Церковью Объединения сопровождалось ядовитыми комментариями о «незаконном влиянии». Это была долгосрочная игра на подрыв доверия к консервативному истеблишменту. Левые юристы понимали, что, выбивая опору из-под Церкви, они одновременно наносят удар по деду Синдзо Абэ (Синдзо Абэ происходит из известной в политическом мире семьи), а значит, и по всему будущему поколению японских консерваторов. Это была вендетта, растянутая на десятилетия, где 1987 год стал точкой невозврата. Особое место в этой стратегии занимала фигура Кадзуо Сии, лидера Коммунистической партии

Японии. Именно в его программных заявлениях начала проступать концепция «финальной войны».

Для коммунистов уничтожение Церкви Объединения стало символическим актом завершения Холодной войны в свою пользу. Они видели в судебных исках>NNLSS не просто юридическую практику, а «пролетарский суд» над противником. Сии и его соратники открыто поддерживали адвокатов сети, обеспечивая им политическое прикрытие и трибуну в парламенте. Это был идеальный симбиоз: юристы создавали судебные прецеденты, а политики использовали их для чистки государственного аппарата от влияния антикоммунистов.

Термин «духовные продажи» стал универсальным ключом, открывающим любые двери. С его помощью>NNLSS удалось убедить часть общества, что религиозная свобода не распространяется на организации, которые критикуют левую идеологию. Это был опасный прецедент: закон использовался для того, чтобы разделить верующих на «правильных» и «опасных» на основе их политической активности. Если организация поддерживала консерваторов и выступала против коммунизма, она автоматически попадала в категорию «культов», занимающихся «духовными продажами». Этот механизм позволял юристам-коммунистам действовать с небывалым размахом, не опасаясь обвинений в нетерпимости, ведь они всегда могли прикрыться лозунгом «защиты прав потребителей».

Инструментализация судебной системы привела к тому, что к началу 1990-х годов в Японии сложилась уникальная ситуация. Группа из нескольких сотен юристов фактически диктовала условия функционирования крупной религиозной общины, вмешиваясь в её внутренние дела, контролируя финансы и преследуя её членов.>NNLSS превратилась в параллельную структуру власти, способную влиять на медиа-повестку и политические назначения. Хироси Ямагути и его команда стали «неприкасаемыми» экспертами, чье мнение по вопросам религии принималось на веру без какой-либо критической оценки их

собственных политических пристрастий. Это было торжество тактики «мягкой силы», где вместо винтовок использовались гражданские кодексы и пресс-конференции. Почему же японское общество позволило этому случиться? Да потому что любой громкий скандал, даже искусственно созданный, пугает обывателя больше, чем постепенная эрозия конституционных прав.>NNLSS умело играла на чувстве страха перед «непонятным» и «чужеродным». Они создали образ Церкви Объединения как некоего «государства в государстве», которое управляется извне и преследует тайные цели. В условиях экономической стагнации девяностых этот образ легко нашел почву в сердцах людей, ищущих «козла отпущения». Коммунисты, профессионалы в области классовой ненависти, просто перенаправили это чувство в русло «антикультовой» борьбы.

Сегодня, оглядываясь назад, становится очевидным, что события 1987 года были не защитной реакцией юристов, а тщательно спланированным наступлением. Это была война за право определять, что является истинной верой, а что — мошенничеством, где критерием истины выступала лояльность левым идеям. Кадзуо Сии не зря назвал это «финальной войной». Для него и его сторонников это была последняя битва за наследие 1960-х, попытка переписать историю своего поражения и уничтожить тех, кто преградил им путь к власти. Использование правовой системы в качестве тарана позволило им добиться результатов, о которых они не могли и мечтать на баррикадах. Трагедия Синдзо Абэ в 2022 году стала лишь кровавым эпилогом в этой многолетней стратегии.

Информационный фон, десятилетиями создававшийся>NNLSS, позволил мгновенно переложить вину с убийцы на организацию, против которой велась война. Мечта Хироси Ямагути и Кадзуо Сии начала воплощаться в реальность: государство, подгоняемое медийной яростью, приступило к процедуре роспуска церкви. Это стало кульминацией «финальной войны», начатой в холодном феврале 1987-

го. Группа юристов-коммунистов доказала, что в современном мире для уничтожения оппонента не нужны пули — достаточно умело использовать закон, стигматизацию и терпение длиной в сорок лет. Это урок о том, как под маской правосудия может скрываться самая беспощадная идеологическая тирания, способная демонтировать фундамент демократии ради торжества старой политической обиды.

Анализируя этот многолетний конфликт, известный итальянский социолог религии Массимо Интровинье выдвигает тезис, который еще раз подчеркивает истинную природу современных преследований Церкви Объединения. Согласно его интерпретации, та иррациональная ненависть, которую проявляют японские антикультисты и левые активисты, является не чем иным, как формой исторической мести за политическое поражение в Холодной войне. Интровинье делает акцент на том, что IFVOC и Церковь Объединения сыграли ключевую роль в сдерживании коммунизма в Японии в тот момент, когда Либерально-демократическая партия была слаба и дезориентирована. «Японские коммунисты не могут простить Муну победу в их войне», — констатирует Интровинье. По его мнению, левые силы смогли выиграть «битву ярлыков», сумев навязать обществу негативный образ «секты», но они безнадежно проиграли войну идеологий. Религиозная община оказалась жизнеспособнее марксистских догм, и сегодняшний гнев антикультистов — это попытка взять реванш спустя сорок лет, используя преступление одиночки как повод для окончательного решения «вопроса Муна».

Таким образом, антикоммунизм Мун Сон Мёна стал для него своего рода «смертным грехом» в глазах тех, кто мечтал о победе мировой революции или о постепенном сползании свободного мира в социалистический утопизм. Его эффективность как глобального стратега, его способность объединять диссидентов, сенаторов и простых верующих в единый фронт противостояния тоталитаризму сделали его мишенью для самой клеветнической кампании XX века.

Страх и ненависть к организации, которые мы наблюдаем сегодня, имеют свои корни не в религиозных доктринах или методах сбора пожертвований, а в той геополитической роли, которую Церковь Объединения сыграла в защите свободного мира.

Глава 4. Как любовь родителей превратилась в пытку

История современной Японии, часто воспеваемая как образец демократического развития и технологического триумфа, скрывает в своих недрах одну из самых продолжительных хроник систематического нарушения прав человека. На протяжении почти полувека на территории страны действовала иерархическая система «выходного консультирования», которая на деле представляла собой жестокую индустрию депрограммирования. Под этим термином скрывались насильственные похищения, незаконное лишение свободы и психологические пытки, направленные на принудительный отказ верующих от их убеждений. Масштаб этой трагедии, долгое время остававшейся в тени из-за молчаливого согласия общества и бездействия правоохранительных органов, был официально зафиксирован в международных инстанциях. Жизненная история Тору Гото — это лишь один фрагмент гигантской мозаики.

Согласно отчету организации, Human Rights Without Frontiers (HRWF), представленному Вилли Фотре в ООН в 2023 году, а также детальному докладу правозащитницы Патрисии Дюваль в 2025 году, за период с 1966 по 2015 год жертвами этой системы стали не менее 4 300 взрослых членов Церкви Объединения, подвергшихся похищениям и удержанию с целью принудительного «депрограммирования». Эти

тысячи жизней оказались раздавлены между молотом фанатичных «депрограммистов» и наковальней родственных связей, превращенных в инструмент насилия. Трагедия депрограммирования в Японии — это не просто серия частных конфликтов, а организованная сеть, в которой участвовали профессиональные похитители, ангажированные юристы и представители определенных христианских кругов, видевших в новых религиозных движениях, прежде всего в Церкви Объединения, опасного конкурента.

Методы, применявшиеся к жертвам, поражают своей бесчеловечностью, особенно учитывая, что инициаторами похищений часто становились ближайшие родственники, ослепленные страхом и манипуляциями «консультантов». Одной из самых душераздирающих страниц этой летописи стал кейс молодой женщины, известной под инициалами Y.H., чья история в 1997 году потрясла правозащитное сообщество. На момент похищения Y.H. находилась на пятом месяце беременности — период, когда любая женщина нуждается в максимальном покое и поддержке. Однако для её родителей и нанятых ими депrogramмистов её состояние стало лишь дополнительным рычагом давления. Похищенная и запертая в изолированном помещении, женщина столкнулась с массовой психологической атакой. Особую роль в этом кошмаре сыграла её близкая родственница. Используя свой медицинский авторитет, она подвергала Y.H. непрерывному давлению, утверждая, что её вера «заражает» плод, и открыто угрожая принудительным абортом, если она не подпишет отречение. Узницу убеждали, что её ребенок родится «монстром» или «проклятым», если она останется верной своим убеждениям. Грань между семейной заботой и хладнокровным террором была стерта.

Подобный сценарий повторился в деле Эмико Мотоки, которая была похищена своей семьей. Её удерживали в комнате одной из протестантских церквей в течение двух недель. В условиях полной изоляции их подвергали изнурительным многочасовым допросам,

направленным на разрушение их идентичности и семейных уз. Характерно, что японская полиция, в которую неоднократно обращались друзья и единоверцы похищенных, демонстрировала ледяное безразличие. Офицеры отказывались вмешиваться, классифицируя происходящее как «семейную ссору» (*kazoku no mondai*), даже когда речь шла о насильственном удержании человека. Благодаря действиям мужа Эмико Мотоки, вмешательство дипломатического корпуса и международная огласка заставили правоохранителей оживиться, что в итоге привело к ее освобождению.

Эти случаи показывают, что система депрограммирования в Японии пользовалась фактической экстерриториальностью: внутри квартир и церковных помещений законы государства переставали действовать, уступая место произволу «специалистов по вере». Однако психологическое давление было лишь одной гранью насилия. В истории депрограммирования зафиксированы случаи запредельной жестокости, которые приводили к необратимым катастрофам. Одним из самых страшных примеров стало преступление, совершенное депрограммером в отношении женщины — члена Церкви Объединения. Пользуясь полной беспомощностью жертвы, находящейся в заточении, нанятый семьей «консультант» совершил акт сексуального насилия. Ужас ситуации усугубился тем, что отец женщины, который сам инициировал похищение и нанял этого человека, не смог вынести груза стыда и осознания того, чему он подверг собственную дочь. Не найдя в себе сил признать вину перед обществом и семьей, он покончил жизнь самоубийством. Эта двойная трагедия обнажает истинную природу депрограммирования: оно не «спасало» семьи, как утверждали его адепты, а разрушало их до основания, оставляя после себя лишь пепел, позор и смерть.

Перелом в правовом поле наметился лишь к середине второго десятилетия XXI века. После двенадцатилетнего заключения Тору Гото, история которого подробно описана во второй главе, и его

последующей победы в суде, правовая система Японии начала неохотно признавать преступный характер деятельности депрограммистов. Важной вехой в этой борьбе стало решение Высокого суда Хиросимы от 27 ноября 2020 года. Суд вынес обвинительный приговор пяти лицам за похищение и лишение свободы супружеской пары с целью принудительного изменения их религиозных взглядов. Это решение стало четким сигналом: религиозная свобода не заканчивается там, где начинаются интересы семьи или антикультовых групп. Тем не менее, надежды на окончательное искоренение репрессий оказались преждевременными.

События 2022–2025 годов ознаменовали начало новой, еще более жесткой фазы преследований. После убийства бывшего премьер-министра Синдзо Абэ в июле 2022 года, совершенного человеком, чья мать была членом церкви, японское общество захлестнула волна массовой истерии. Как отмечает Патриция Дюваль в своем докладе «Japan: Dissolution of the Unification Church, The Real Story» (The Journal of CESNUR, 2025), гнев общества был искусственно перенаправлен с преступника на само религиозное сообщество. Методы физических похищений, ставшие юридически опасными после прецедента 2020 года, сменились методами государственного и юридического давления.

В 2025 году правительство Японии издало приказ о роспуске Церкви Объединения как религиозного юридического лица — беспрецедентный шаг, фактически означающий гражданскую казнь организации. Современный контекст, описанный в отчетах Human Rights Without Frontiers (HRWF) и CAP-LC, свидетельствует о том, что депрограммирование замаскировалось под государственные программы. На смену подвалам пришли так называемые «уроки прав человека» и обязательные консультации, проводимые под эгидой Министерства юстиции. На этих занятиях верующих второго поколения подвергают жесткому психологическому прессингу, убеждая их в том, что их вера является нарушением, а их родители — преступниками.

Патриция Дюваль в своих исследованиях подчеркивает, что эти запугивания XXI века являются прямой угрозой демократическим устоям Японии. Инструментализация закона для уничтожения неугодного религиозного меньшинства создает почву для репрессий против любой группы, чьи взгляды расходятся с текущей политической конъюнктурой. Трагедии прошлого, от У.Н. до Тору Гото, служат грозным напоминанием о том, как легко общество может превратиться в коллективного палача, если права человека приносятся в жертву идеологической мести.

Существует еще один феномен японского депрограммирования, который представляет собой одну из самых темных страниц современной религиозной истории, где границы между пастырской заботой и уголовным преступлением окончательно стираются, уступая место тому, что можно назвать «религиозной войной» нового типа. В центре этой войны стоят не фанатичные ополченцы, а респектабельные христианские священнослужители, прежде всего связанные с Объединенной церковью Христа в Японии (UCCJ). Для этих пасторов борьба с новыми религиозными движениями, и, в частности, с Церковью Объединения, превратилась в своего рода современный крестовый поход, оправдываемый необходимостью «спасения душ» и «восстановления семейных уз».

Однако за возвышенной риторикой о помощи страдающим родителям скрывается жесткая, системная практика насилия, в которой пастор берет на себя роль следователя, судьи и тюремщика одновременно. Это противостояние «религии против религии» происходит не на поле богословских дискуссий, а в тесных, запертых на засовы квартирах, где Слово Божье подменяется угрозами, а молитва — психологическим измождением узника. Одной из наиболее наглядных фигур в этом движении стал пастор Ёсио Симидзу (pastor Yoshio Shimizu), чье имя неразрывно связано с созданием прецедента полной безнаказанности для депрограммеров. Симидзу, будучи

активным деятелем UCCJ, открыто превратил свою церковь в штаб-квартиру для координации похищений. Его участие в этих процессах не ограничивалось лишь духовным наставничеством; он был создателем самой системы изоляции.

Особую значимость имеет судебный процесс 1993 года, который обнажил не только методы самого Симидзу, но и глубокую коррозию японской правовой системы. В ходе разбирательства всплыли неопровержимые доказательства того, что жертвы удерживались в помещениях, которые по всем признакам напоминали тюремные камеры. На окнах были установлены стальные решетки, двери были оборудованы сложной системой внешних замков, а сами узники находились под круглосуточным наблюдением «добровольцев», нанятых при посредничестве пастора. Несмотря на физические улики заточения, японский суд вынес решение, которое шокировало правозащитников: все происходящее было квалифицировано как «семейная дискуссия», мотивированная родительской любовью. Абсурдность этого судебного решения позволила Симидзу и его коллегам действовать в открытую, не опасаясь преследований. Пастор фактически получил лицензию на насилие, маскируемое под внутрисемейный конфликт.

В материалах дел того периода зафиксированы признания самого Симидзу, которые сегодня кажутся невероятными для человека в священническом сане. Он открыто подтвердил свое участие в более чем пятидесяти случаях депрограммирования, сопряженных с длительным лишением свободы совершеннолетних граждан. Для Симидзу эти люди не были личностями с правом на свободу совести; они были «объектами», чью психику необходимо было сломать, чтобы вернуть их в лоно «правильного» христианства или сделать их апостатами. Каждый такой случай — это недели и месяцы, проведенные человеком в четырех стенах под непрерывным давлением пастора, который использовал свое положение для того, чтобы внушить жертве чувство

вины, страха и полной безнадежности. Решетки на окнах, о которых Симидзу знал и которые он одобрял, были для него не инструментом пытки, а «необходимым условием для спасения».

Особый ужас ситуации придавал правовой вакуум, в котором десятилетиями существовали эти «пасторы-инквизиторы». Японская полиция и суды демонстрировали поразительную готовность закрывать глаза на очевидные преступления. Существовала негласная установка: если похищение совершено родителями при участии пастора, это не является похищением в уголовном смысле. Это «семейное дело», вмешательство в которое со стороны государства считалось нежелательным.

Офицеры полиции, приезжая на вызовы к местам заточения, часто даже не заходили внутрь, ограничиваясь беседой с родителями на пороге. Улыбающиеся отец или мать говорили, что -то вроде: «Наш сын просто немного приболел, мы беседуем с пастором о его будущем», — и этого было достаточно, чтобы полиция уехала, оставив жертву за решетками и замками. Судебная система подкрепляла это бездействие, вынося вердикты, в которых «лишение свободы» подменялось понятием «родительской заботы». Это создало зону полной правовой тени, где на протяжении сорока лет тысячи людей могли быть украдены из собственной жизни, подвергнуты насилию и унижению без какой-либо надежды на государственную защиту. Моральный аспект этой практики еще более страшен, чем финансовый.

С другой стороны, были те, кто сделал на страхе и горе людей чрезвычайно прибыльный бизнес. Такаси Миямура (Takashi Miyamura) превратил депрограммирование в высокотехнологичный метод заработка. Миямура, называющий себя «экзит-консультантом» (exit counselor), стал центральной фигурой в индустрии похищений, выстроив вокруг человеческого горя четкую финансовую вертикаль.

Для отчаявшихся родителей, чьи дети выбрали иной религиозный путь, Миямура предлагал пакет услуг, стоимость которых исчислялась миллионами. Финансовая схема этого бизнеса была выстроена с расчетливостью опытного дельца. Начальная ставка, своего рода «входной билет» для семьи, могла составлять от 200 000 до 300 000 иен. Эти деньги преподносились как оплата «первичных консультаций» и разработки плана «вмешательства». Однако это была лишь вершина айсберга. Полная стоимость так называемого «спасения», включающая в себя организацию физического захвата жертвы, аренду конспиративных квартир, оплату охраны и многомесячную работу самого Миямуры и его помощников, достигала астрономических сумм — от 4 до 10 миллионов иен. Миямура создал самовоспроизводящийся конвейер прибыли: он не просто получал гонорары от родителей, но и часто подталкивал депрограммированных жертв подавать иски против своих бывших религиозных организаций, стремясь получить компенсации, часть из которых снова оседала в руках «консультантов» и связанных с ними юристов. Это был бизнес на крови и разрушенных психиках, где каждая неделя удержания жертвы в запертой комнате увеличивала итоговый счет.

Атмосфера этих «консультаций» была пропитана цинизмом. Пока узник в комнате с заклеенными окнами пытался сохранить остатки рассудка, Миямура за чашкой чая обсуждал с родителями очередные транши на «содержание объекта». Для него не существовало моральных преград; любая попытка жертвы сопротивляться или объявить голодовку интерпретировалась как признак «контроля сознания», требующий еще более жесткой изоляции и, соответственно, новых расходов. Деятельность Миямуры наглядно продемонстрировала, что депрограммирование в Японии давно перестало быть вопросом религиозного рвения, превратившись в криминальный промысел, прикрытый психологической терминологией.

Пасторы UCCJ, такие как Симидзу, и «консультанты» вроде Миямуры, фактически разрушали традиционную японскую семью, превращая её в тюремный конвой. Они учили родителей лгать своим детям, заманивать их в ловушки, использовать физическую силу и медикаментозное давление. В этой «религиозной войне» первой жертвой пало доверие — фундаментальная ценность любого общества. Когда пастор убеждает мать запереть дочь в комнате с решетками на два года, он совершает преступление не только против веры этой девушки, но и против самой человеческой природы. Бесцеремонность депрограммеров заключалась в том, что они представляли этот ад как единственный путь к свету. Для них каждый сломленный человек, каждый, кто под пытками подписал отречение, был «трофеем», подтверждающим их правоту.

Однако за фасадом этой «победы» всегда стояла выжженная земля: разрушенные отношения, подорванное психическое здоровье и глубокая травма, которая часто преследовала жертв до конца их дней. Таким образом, это явление обнажает истинное лицо антикультового движения в Японии. Это не группа обеспокоенных граждан, а альянс идеологически ангажированных священнослужителей и расчетливых бизнесменов от психологии. Ёсио Симидзу с его решетками на окнах и Такаси Миямура с его многомиллионными гонорарами — две стороны одной медали, символ отработанной системы, которая научилась использовать закон и религию для уничтожения человеческой свободы. Их деятельность стала возможной лишь в условиях молчаливого пособничества государственных представителей, которые предпочли не замечать криков из-за запертых дверей квартир-тюрем.

Хотелось бы немного детальней раскрыть вопрос парадокса юридической неприкосновенности депрограмматоров. Для понимания того, почему практика «взлома веры» не преследовалась по всей строгости закона, необходимо проанализировать уникальный правовой и социальный вакуум, в котором действовали эти группы. В основе этой

безднаказанности лежали не только пробелы в законодательстве, но и целенаправленная манипуляция концепциями свободы воли и дееспособности, которая фактически лишала жертв депрограммирования статуса субъектов права.

В период до начала 2000-х годов основным препятствием для правосудия была устойчивая классификация подобных инцидентов правоохранительными органами как «частного семейного дела». Полиция, сталкиваясь с заявлениями о похищении совершеннолетних граждан, часто устранилась от расследования, как только выяснялось, что инициаторами захвата выступали родители или близкие родственники. В юридической практике того времени господствовала негласная доктрина, согласно которой семейные узы и родительская ответственность имели приоритет над индивидуальными гражданскими правами взрослого человека, если речь шла о его религиозном выборе.

Полицейские чины в США, Европе и Японии сознательно избегали вмешательства в то, что они называли «религиозными спорами», опасаясь обвинений в нарушении конституционного принципа невмешательства государства в дела веры. Иронично, что именно право на свободу вероисповедания, которое должно было защищать верующего, использовалось властями как оправдание для бездействия: чиновники предпочитали рассматривать насильственное депрограммирование как «интенсивное семейное консультирование», не желая создавать прецеденты государственного арбитража в вопросах теологии. Этот социальный контракт молчания подкреплялся мощным медийным фоном, создаваемым антикультовыми организациями. Депрограмматоры умело эксплуатировали образ «убитых горем родителей», которые якобы идут на крайние меры лишь ради спасения своих детей. В глазах общественного мнения и, как следствие, судей, похищение переставало быть преступлением, превращаясь в «акт спасения».

В США такие фигуры, как Тед Патрик, открыто заявляли, что они не похищают людей, а «возвращают им разум». Эта риторика находила отклик у правоохранителей, которые в глубине души разделяли предрассудки против новых религиозных движений. Патрик и его последователи утверждали, что верующие подверглись «промыванию мозгов» и больше не обладают свободной волей, а значит, их можно похищать и удерживать силой для «перевоспитания». На протяжении десятилетий существовал негласный консенсус: если насилие совершается внутри семьи под предлогом защиты от «культа», оно выводится из-под действия уголовного кодекса.

Однако наиболее сильным юридическим барьером, препятствовавшим преследованию депрограмматоров, стала концепция «недееспособности из-за промывки мозгов». Защита депрограмматоров в судах выстроила стратегию, основанную на отрицании самой возможности свободного выбора у последователей нетрадиционных религий. Используя псевдонаучные теории Маргарет Сингер и других идеологов антикультизма, адвокаты утверждали, что жертва депрограммирования находится в состоянии «тотального контроля сознания». Следовательно, как аргументировала защита, похищение не могло считаться похищением, так как у жертвы отсутствовала «свободная воля», которую можно было бы нарушить. Этот аргумент об отсутствии свободной воли использовался для того, чтобы лишить жертв права на судебный иск в принципе. В ряде прецедентных дел в США и Японии суды принимали сторону депрограмматоров, заявляя, что истец не может адекватно оценивать свои интересы, так как его разум «поврежден» культом.

То есть какая ситуация получалась в итоге: чтобы подать иск о незаконном удержании, человек должен был доказать, что он находился там против своей воли, но суд заранее объявлял его волю несуществующей или «суррогатной». Депрограмматоры представлялись суду как «временные опекуны», действующие в

состоянии крайней необходимости (doctrine of necessity). Аргумент «крайней необходимости» позволял оправдывать уголовные преступления тем, что депрограмматор якобы предотвращал «большой вред» — ментальное порабощение или финансовое разорение жертвы. Это фактически легализовало vigilante justice (самосуд), превращая похитителей в своего рода нелегализованных психиатров, действующих с молчаливого одобрения порядка.

В США именно Стивен Хассан стал той фигурой, в которой наиболее полно воплотилась трансформация: от грубого физического захвата к «экспертному» манипулированию общественным мнением, где грань между спасением и насилием окончательно стерлась. Кейс Стивена Хассана — это история человека, прошедшего путь от жертвы депрограммирования до одного из самых высокооплачиваемых «палачей» этой индустрии.

В 1976 году Хассан, будучи активным членом Церкви Объединения, сам подвергся насильственному депрограммированию. Его похитили, заперли в помещении и подвергли интенсивному психологическому прессингу, пока он не отрекся от своих убеждений. Парадокс заключается в том, что вместо того чтобы осудить методы насилия, Хассан сделал их своей профессией. Он объявил себя «ведущим экспертом по культам» и начал практиковать те же методы, которые когда-то применялись к нему, лишь слегка облагородив их терминологией о «контроле сознания». Его трансформация стала классическим примером идентификации с агрессором: вчерашний узник стал главным теоретиком и практиком тюремного заключения для инакомыслящих.

Одним из самых сумрачных эпизодов в ранней карьере Хассана стал инцидент 1976 года в Мичигане, связанный с похищением Артура Розеля (в судебных документах часто фигурирующего как A.R.). Розель, бывший в то время последователем Церкви Объединения, был насильственно захвачен и помещен в условия, которые невозможно

охарактеризовать иначе как пыточные. Согласно свидетельским показаниям и аффидевитам, Хассан лично принимал участие в удержании Розеля. Жертва была связана по рукам и ногам настолько туго, что конечности отекали и покрывались синяками багрового цвета. В течение 72 часов Артуру Розелю не давали спать, подвергая его непрерывному вербальному насилию и унижениям. Факты насилия в этом деле поражают. Розелю отказывали в праве на элементарную приватность: даже использование туалета происходило под надзором депрограмматоров, чтобы исключить любую возможность побега или короткой передышки от психологического давления.

Хассан и его сообщники относились к жертве, по выражению самого Розеля, «как к пойманному животному в зоопарке». Психологическое давление сопровождалось прямыми угрозами физической расправы. В частности, упоминались угрозы сделать Розелю инъекции наркотиков или специальных препаратов, подавляющих волю, если он немедленно не отречется от своей веры. Это было не «консультирование», а полномасштабная карательная операция, проводимая частными лицами за закрытыми дверями.

Последствия этого инцидента вылились в масштабный гражданский иск против Стивена Хассана на сумму 12 миллионов долларов за нарушение гражданских прав, незаконное лишение свободы и применение насилия. Сумма иска отражала не только материальный ущерб, но и глубину морального падения «эксперта», который использовал методы гестапо для борьбы с религиозным выбором человека. Однако еще более примечательным фактом в биографии Хассана стал задокументированный эпизод попытки подкупа свидетеля. Пытаясь развалить дело и избежать ответственности, Хассан склонял людей к лжесвидетельству или изменению показаний, что лишний раз подчеркивает криминальный характер индустрии, которую он представлял.

Несмотря на то что Хассану удалось юридически маневрировать в последующие годы, шлейф насилия 1976 года навсегда остался в его биографии как доказательство того, что его «экспертность» замешана на крови и подавлении личности. Со временем Хассан сменил внешний имидж: на смену веревкам и лишению сна пришли телестудии и академические степени. Он научился продавать свою теорию «контроля сознания» либеральному истеблишменту, превратившись в уважаемого критика любых групп, которые выпадают из мейнстримной повестки. Однако внутренняя логика депрограммирования — идея о том, что оппонента не нужно переубеждать, его нужно «исправить» — никуда не исчезла. Она просто масштабировалась. Современный контекст деятельности Хассана пугает своей глобальностью.

В 2021 году в эфире CNN Стивен Хассан сделал заявление, которое стало логическим завершением его эволюции: он провозгласил, что «всю Америку надо депрограммировать от Трампа». Таким образом, идеология насильственного «исправления» личности, зародившаяся в тесных комнатах противников Церкви Объединения, перекочевала из узко-религиозной сферы в большую политику. Теперь «промытыми мозгами» объявляются не только члены новых религиозных движений, но и десятки миллионов избирателей, чьи взгляды не совпадают с одобренным курсом. Когда Хассан призывает к массовой депрограммации населения, он говорит голосом того самого похитителя из 1976 года, который считал, что имеет право связывать руки и лишать сна каждого, кто верит «неправильно».

Переход к современному этапу, характеризующемуся запретом практики депрограммирования в большинстве демократий, стал возможен лишь благодаря многолетней борьбе правозащитников и изменению международной правовой парадигмы.

Ключевую роль в этом процессе сыграло признание того, что концепция «промывки мозгов» не имеет научной основы и является

инструментом дискриминации. Переломным моментом стало банкротство и роспуск организации Cult Awareness Network (CAN) в США после многомиллионного иска жертвы депрограммирования Джейсона Скотта в 1995 году. Это дело нанесло сокрушительный удар по индустрии насильственного «извлечения», показав, что за спиной «обеспокоенных родителей» стоят коммерческие структуры, заинтересованные в прибыли от похищений.

Тем не менее, в некоторых странах Азии, в частности в Японии и Южной Корее, борьба с депрограммированием затянулась на десятилетия и приобрела особенно драматичные формы. В Южной Корее ситуация осложнялась глубоким проникновением антикультовых групп в традиционные христианские деноминации. Здесь депрограммирование часто маскировалось под «консультирование по вопросам веры», проводимое в специализированных центрах. Исследования HRWF и отчеты Госдепартамента США фиксировали многочисленные случаи, когда верующих (прежде всего последователей Церкви Объединения и Шинчхонджи) похищали, накачивали седативными препаратами и удерживали в изолированных помещениях.

Трагическая гибель молодой женщины Гу Джи Ин (Ms. Gu Ji-in) в 2018 году во время второй попытки насильственного депрограммирования в Южной Корее вызвала массовые протесты и заставила международное сообщество усилить давление на Сеул. Этот случай показал, что безнаказанность депрограмматоров прямо ведет к человеческим жертвам. Современный юридический контекст характеризуется тем, что международные органы, включая Комитет по правам человека ООН, наконец-то начали рассматривать депрограммирование не как частный или семейный спор, а как форму пыток и дискриминации, нарушающую статью 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Лишь признание абсолютного характера свободы совести, независимо от того,

насколько «непопулярной» является вера индивида, позволило правосудию начать демонтаж этой системы.

Глава 5. Последний рубеж. Что будет дальше?

Переломным моментом в истории институционального давления на Церковь Объединения стал процесс 1982 года, вошедший в анналы американской юриспруденции как *United States v. Sun Myung Moon*. Этот судебный акт ознаменовал переход государственной машины от попыток психологической дискредитации новых религиозных движений, которые буксовали в судах из-за отсутствия научной базы теории «промывания мозгов», к стратегии административно-финансового удушения. Судебное преследование преподобного Муна стало классическим примером селективного правосудия, где формальное следование букве закона использовалось для достижения политической цели — изоляции лидера, чье влияние начало выходить за рамки дозволенного истеблишментом.

Суть обвинения сводилась к уклонению от уплаты налогов на общую сумму 162 000 долларов за период с 1973 по 1975 годы. Основная часть этой суммы — 112 000 долларов — составляла процентный доход по счетам в Chase Manhattan Bank, а оставшиеся 50 000 долларов были оценены как стоимость акций компании Tong Il Enterprises. С точки зрения налогового ведомства США, эти активы являлись личным доходом физического лица. Однако для защиты и для самого Муна это утверждение игнорировало фундаментальную теологическую и организационную реальность развивающейся религиозной общины.

Ключевой правовой конфликт в этом деле развернулся вокруг концепции доверительного управления или *Fiduciary capacity*. Защита, которую возглавлял видный специалист по конституционному праву, профессор Гарварда Лоуренс Трайб, настаивала на том, что Мун Сон Мён удерживал указанные средства не как частный собственник, а как доверенное лицо формирующейся церкви. В те годы Церковь Объединения в США еще не прошла процедуру полной инкорпорации, и хранение церковных пожертвований на имени лидера было общепринятой практикой, характерной для сотен малых конфессий и католических орденов. Аргумент о том, что эти деньги использовались исключительно на нужды миссии, а не на личное обогащение, подтверждался финансовыми отчетами, однако суд предпочел интерпретировать отсутствие формальных документов о доверительном управлении как доказательство личного владения. Отказ суда признать статус церковного имущества создал опасный прецедент, согласно которому государство получало право в одностороннем порядке определять, что является религиозной деятельностью, а что — личным бизнесом проповедника.

Диспропорциональность наказания, вынесенного в 1984 году, стала самым убедительным доказательством политической подоплеки дела. Мун был приговорен к 18 месяцам тюремного заключения и штрафу в 25 000 долларов. Для американской судебной практики того времени такие сроки за налоговые правонарушения на подобные суммы были экстраординарными. Статистика налоговых преступлений начала 80-х показывает, что в случаях, когда сумма недоимки не превышала 2 500 долларов (в пересчете на реальный ущерб бюджету), тюремные сроки практически не назначались. Даже при значительно более крупных суммах большинство обвиняемых отделялись условными сроками или штрафами. Приговор Муну на полтора года реального заключения выглядел как демонстративная расправа, направленная на лишение движения его руководства и нанесение непоправимого

репутационного удара. Когда Верховный суд США отклонил петицию о пересмотре дела (*certiorari denied*), это вызвало шок в правозащитной среде, так как высшая судебная инстанция фактически уклонилась от оценки конституционных рисков, связанных с вмешательством государства во внутренние дела церкви.

Особую роль в разоблачении механизмов этого преследования сыграл лауреат Пулитцеровской премии Карлтон Шервуд. Его фундаментальное расследование, опубликованное в 1991 году под названием «*Inquisition: The Persecution and Prosecution of the Reverend Sun Myung Moon*» («Инквизиция: Преследование и судебный процесс над преподобным Сун Мён Муном»), перевернуло представление о процессе. Шервуд, изначально настроенный скептически по отношению к Муну, в ходе пятилетнего изучения документов Министерства юстиции пришел к выводу о преднамеренной фальсификации дела. Он вскрыл факты давления на свидетелей, сокрытия оправдательных улик и прямой координации действий прокуратуры с антикультовыми группами.

Согласно Шервуду, Министерство юстиции США действовало с «необычайной злонамеренностью», игнорируя нормы права ради устранения идеологического противника. Автор охарактеризовал процесс как современную инквизицию, где налоговый кодекс стал орудием подавления религиозной свободы. Книга Шервуда показала, что за фасадом борьбы за чистоту налоговых деклараций скрывалась масштабная кампания по демонизации «иностранный» проповедника, чья антикоммунистическая деятельность и медийное влияние начали беспокоить либеральное крыло американского правительства.

Реакция американского религиозного сообщества на приговор Муну была парадоксальной и мощной. Возникла так называемая «Коалиция совести» (*International Coalition for Religious Freedom, ICRF*) — беспрецедентный альянс более чем сорока религиозных лидеров и организаций, многие из которых теологически были крайне враждебны

Церкви Объединения. В защиту Муна выступили такие фигуры, как консервативный баптист Джерри Фалуэлл, представлявший «Моральное большинство», и лидер движения за гражданские права чернокожих Джозеф Лоури. Их мотивация была лишена симпатий к учению Муна, но была продиктована инстинктом самосохранения. Религиозные лидеры США увидели в деле *United States v. Sun Myung Moon* угрозу Первой поправке к Конституции. Они понимали: если сегодня правительство может посадить в тюрьму Муна за то, как он хранит церковные деньги, то завтра оно сможет диктовать условия баптистам, католикам или пресвитерианам.

В поддержку Муна были поданы ходатайства от Национального совета церквей, Американского союза гражданских свобод и Национальной ассоциации католического духовенства. Этот фронт солидарности продемонстрировал, что дело Муна стало точкой кристаллизации для защиты прав всех верующих против произвола государственной бюрократии, стремившейся сузить пространство религиозной автономии до рамок, удобных налоговой инспекции.

Параллельно с судебными процессами в США, в Европе началось формирование институциональной архитектуры, призванной координировать преследования на международном уровне. В 1994 году в Париже была создана Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS). Генезис этой структуры тесно связан с французской государственной политикой «светскости», которая в 90-е годы приобрела черты агрессивного подавления религиозных меньшинств. Учредителями федерации выступили ведущие антикультовые организации Европы: французская UNADFI, британская FAIR и немецкая ассоциация Ei.

Создание FECRIS ознаменовало переход антикультового движения от разрозненных родительских групп к системному лоббизму, интегрированному в европейские политические структуры. Главной задачей новой организации стала выработка единого понятийного

аппарата и механизмов обмена информацией, позволяющих клеймить нежелательные группы как «секты» по всему континенту, обходя национальные законы о свободе совести.

Механизм работы FECRIS строился на принципе трансграничной координации и «научной» легитимизации репрессий. Организация функционировала как клиринговая палата для распространения негативной информации, часто основанной на слухах или сфабрикованных свидетельствах «депрограммированных» бывших членов. FECRIS создавала видимость экспертного сообщества, к которому обращались правительства за рекомендациями по законодательному ограничению прав верующих. Используя статус объединяющей структуры, федерация позволяла локальным антикультовым группам ссылаться на «европейский опыт», создавая эффект домино. Если в одной стране удавалось добиться судебного преследования или медийной травли Церкви Объединения, FECRIS немедленно тиражировала этот кейс в других государствах как доказательство «опасности» движения, тем самым формируя атмосферу глобальной нетерпимости. Этот механизм позволял обходить конституционные гарантии отдельных стран, создавая международный фон, в котором любая защита прав человека в отношении «культистов» воспринималась как пособничество преступникам.

Особое значение для глобальной экспансии антикультизма имела связка FECRIS с российскими и японскими структурами. В России главным проводником идей федерации стал Александр Дворкин и созданная им Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Дворкин, занимавший пост вице-президента FECRIS на протяжении многих лет, успешно адаптировал европейские антикультовые лекала для нужд российского государственного аппарата и церковного лобби. Именно через каналы FECRIS происходил импорт концепции «деструктивного культа», которая в России стала инструментом для фактического уничтожения религиозного

плюрализма. Одновременно с этим FECRIS выстраивала связи с японской сетью адвокатов>NNLSS (Zenkoku Benren), специализирующейся на гражданских исках против Церкви Объединения. Этот альянс обеспечивал глобальный охват: юридические наработки японских адвокатов по «духовным продажам» перерабатывались в теоретические доклады для европейских парламентов, а российские наработки по запрету литературы использовались как пример «эффективной борьбы» для стран Восточной Европы.

Инструментальное использование статуса при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) стало вершиной стратегии легитимизации FECRIS. Получив консультативный статус в 2009 году, организация получила доступ к трибуне ООН, которую она использовала для оправдания преследований религиозных меньшинств на высшем международном уровне. Представители FECRIS регулярно выступали на сессиях Совета по правам человека в Женеве, представляя доклады, в которых дискриминационные меры в отношении Церкви Объединения, Свидетелей Иеговы или Фалуньгун описывались как «защита прав человека» и «охрана психического здоровья молодежи». Этот статус позволял антикультистам называть себя «международными правозащитниками», что вводило в заблуждение многих политиков и журналистов, не знакомых с реальной деятельностью организации. Фактически, площадка ООН была захвачена группой лоббистов, которые использовали авторитет организации для продвижения идеологии ненависти и сегрегации граждан по религиозному признаку.

Кризис всей этой сети наступил в 2022 году, став закономерным итогом многолетнего сотрудничества FECRIS с радикальными и прогосударственными структурами. Скандал был спровоцирован вскрытием глубоких связей руководства федерации с российской пропагандой и репрессивными механизмами. После февраля 2022 года

выяснилось, что ведущие представители FECRIS в России использовали антикультовую риторику для оправдания агрессивных действий и подавления внутренней оппозиции, называя противников режима «жертвами западных культов». Это привело к массовым протестам со стороны международных правозащитных организаций и академического сообщества. Расследование источников финансирования показало, что FECRIS, позиционировавшая себя как независимая НПО, на протяжении десятилетий почти полностью зависела от прямых субсидий французского правительства, что ставило под сомнение её общественный статус. Вскрытая предвзятость, фальсификация фактов в докладах и фактическая поддержка авторитарных методов привели к тому, что международный авторитет FECRIS рухнул. Однако наследие этой системы — тысячи разрушенных судеб и внедренные в законодательство многих стран дискриминационные нормы — продолжает оставаться реальностью, требующей длительного процесса правового и социального исцеления.

События, разворачивающиеся в современной Японии вокруг Церкви Объединения, нельзя рассматривать как локальный инцидент или сугубо внутреннее дело одной страны. То, что началось как трагедия одиночки на площади в Наре, стремительно трансформировалось в системный процесс, вскрывающий глубокий кризис демократических институтов. Безусловно, Церковь Объединения не является идеальной организацией; как и любая масштабная структура с многолетней историей, она имеет свои недостатки, ошибки в управлении и внутренние противоречия, которые могут становиться объектом законной критики. Однако масштабы, методы и сам дух нынешнего преследования в Стране восходящего солнца выходят далеко за рамки правового спора. Мы являемся свидетелями того, как под маской «защиты общественных интересов» и «помощи жертвам» запускается механизм идеологической диктатуры, создающий опасный прецедент для всего мира. Когда государство

начинает наказывать религиозное сообщество не за конкретные доказанные преступления его лидеров, а на основании коллективной вины и медийной истерии, под удар попадает сам фундамент свободы совести.

Японский сценарий удивительным и пугающим образом копирует схемы, которые мы уже неоднократно видели в истории и видим сегодня в различных точках планеты. Если мы присмотримся к преследованиям Свидетелей Иеговы в России, то обнаружим ту же самую механику. Сначала через подконтрольные СМИ внедряется ярлык «экстремизма», который не имеет четкого юридического определения, но обладает колоссальным эмоциональным зарядом. Затем следует дегуманизация верующих: их выставляют не как граждан с иным мировоззрением, а как «зомбированных» существ, представляющих угрозу национальной безопасности. В итоге — полный запрет организации, изъятие собственности и тюремные сроки за простое чтение Библии в частных квартирах. Разница лишь в терминах: там, где в России говорят об «экстремизме», в Японии используют жупел «антисоциальной секты». Но результат идентичен — социальная смерть и государственное подавление.

Еще более жесткие параллели просматриваются в репрессиях против движения Фалуньгун в Китае. Там механизм государственного насилия достиг своего апогея: мирных практикующих медитативные техники объявили «опасным культом», что стало оправданием для массовых арестов, пыток и, согласно многочисленным международным расследованиям, даже насильственного изъятия органов. И снова мы видим ту же последовательность: клеймение, исключение из правового поля и физическое уничтожение под аплодисменты государственной пропаганды. Аналогичная судьба постигла мусульман-уйгуров, чья вера и культурная идентичность были объявлены «идеологическим вирусом», требующим принудительного «лечения» в лагерях перевоспитания. Везде, от Москвы до Пекина и от Пхеньяна до Токио,

используется одна и та же отработанная схема. Это универсальный процесс подавления, суть которого лишить группу людей человеческого лица, объявить их разум «захваченным», а их веру — «социально опасной патологией».

Здесь перед каждым мыслящим человеком неизбежно встают острые, неудобные вопросы, от которых зависит будущее гражданского общества. Кто именно наделен правом определять, что является «истинной религией», а что — «опасной сектой»? Должны ли это решать государственные чиновники, чей кругозор часто ограничен политической целесообразностью? Или, возможно, право на истину принадлежит представителям «традиционных» конфессий, которые зачастую просто защищают свою монополию на духовном рынке, агрессивно выдавливая конкурентов? Самое опасное заключается в том, что в качестве «независимых экспертов» в таких процессах часто выступают антикультовые организации, чьи корни нередко уходят в тоталитарные идеологии контроля над сознанием, а их методы — от принудительной депрограммации до психологического насилия — мало чем отличаются от того, в чем они обвиняют свои мишени. В Японии этот альянс леворадикальных юристов и антикультистов, жаждущих реванша за поражение в идеологических битвах прошлого, стал движущей силой процесса, который больше напоминает инквизицию, чем правосудие XXI века.

В этом контексте необходимо вспомнить о незыблемых стандартах, которые человечество выработало после ужасов Второй мировой войны, чтобы защитить себя от повторения тоталитарного кошмара. Международный пакт о гражданских и политических правах ООН, ратифицированный большинством стран, включая Японию, в своей восемнадцатой статье гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору». Важно понимать, что согласно официальным комментариям Комитета ООН по

правам человека, право на свободу совести и убеждений является абсолютным. Оно не может быть ограничено по политическим мотивам или из-за того, что чьи-то убеждения кажутся большинству «странными», «неудобными» или «неправильными». Государство не имеет права вторгаться во внутренний мир человека, пытаясь «исправить» его веру или защитить его от собственного выбора под предлогом борьбы с «промыванием мозгов». Когда закон начинает делить убеждения на «допустимые» и «недопустимые», свобода заканчивается и начинается идеологическая диктатура.

Нынешняя кампания против Церкви Объединения в Японии — это не просто борьба с конкретным религиозным движением. Это атака на сам принцип плюрализма. Как уже было отмечено, историческая преемственность антикоммунистической борьбы, в которой Церковь Объединения и её структуры, такие как Международная федерация за победу над коммунизмом, играли ключевую роль, сделала эту организацию мишенью номер один для левых сил. Для них уничтожение церкви — это способ свести старые политические счёты и одновременно запугать любого, кто осмелится предложить альтернативу либеральному или социалистическому мейнстриму. Это месть за десятилетия эффективного противостояния красной идеологии, месть, облеченная в форму юридической процедуры. Если сегодня японскому обществу удастся навязать роспуск церкви на основании «духовных продаж» или личных обид родственников верующих, завтра любая группа — политическая, экологическая или философская — может быть уничтожена по тем же лекалам.

Защита свободы совести — это не защита конкретной догматики, это защита права человека быть инакомыслящим. Демократия и истинный прогресс возможны только в той среде, где уважается священное право каждой личности на поиск истины, на ошибку и на верность своим идеалам, какими бы непостижимыми они ни казались окружающим. Деградация любого общества начинается не с появления

новых идей, а с подавления инакомыслия под маской «борьбы за общественное благо». Как только мы соглашаемся с тем, что кого-то можно лишить прав из-за его принадлежности к «секте», мы открываем дверь для тирании, которая в конечном итоге придет за каждым. Свобода либо неделима и принадлежит всем, либо она превращается в привилегию, которую власть может отобрать в любой момент. Защищая право членов Церкви Объединения (и других преследуемых групп) на существование сегодня, мы защищаем саму возможность свободного будущего для наших детей, где право на совесть будет стоять выше политических амбиций и идеологической ненависти.

Сегодня улицы Токио дышат обманчивым спокойствием, которое всегда предшествует тектоническому сдвигу. 4 марта 2026 года Высокий суд Токио вынесет вердикт, который либо подтвердит право современного демократического государства на «гражданскую казнь» целого сообщества, либо станет последним барьером на пути к новому тоталитаризму. Мы стоим на пороге момента, когда юридическая чернильница может превратиться в гильотину. После того как в марте 2025 года Окружной суд Токио, поддавшись беспрецедентному давлению медиа и политическому популизму, принял решение о роспуске Федерации семей за мир во всем мире, ситуация достигла точки кипения. Это решение — не просто административный акт о лишении налоговых льгот. Это приговор сотням тысяч людей, чья единственная вина заключается в том, что их вера не вписалась в одобренный леворадикальными юристами канон «социальной приемлемости». Если Высокий суд оставит это решение в силе, за ним последует немедленная конфискация имущества, закрытие храмов и фактическая депортация верующих на обочину общественной жизни. Мы увидим, как в стране, претендующей на лидерство в свободном мире, сотни семей окажутся выброшенными на улицу, лишенными не только права на молитву, но и права на достоинство. Стигматизация, запущенная выстрелами в Наре, превратится в официальную

государственную доктрину, где каждый член церкви будет помечен невидимым знаком «антисоциального элемента».

Трагедия Японии — это не локальный пожар, это испытательный полигон для глобального механизма уничтожения альтернативного мышления. Если вы думаете, что эта драма ограничена островами Японского архипелага или Корейским полуостровом, вы совершаете роковую ошибку. Мы наблюдаем рождение «Интернационала антикультизма», который координирует свои действия с пугающей эффективностью. Посмотрите на Францию, которая долгое время считалась колыбелью прав человека. В мае 2024 года там был принят обновленный закон Абу-Пикара, который ввел в уголовный кодекс сюрреалистичное по своей неопределенности понятие «преступление психологического подчинения». Это «резиновая» норма, позволяющая объявить преступником любого религиозного лидера или наставника, чьи советы не нравятся государственным чиновникам или атеистическим активистам. Французское правительство создало легальный инструмент, позволяющий криминализировать само влияние одной личности на другую. Теперь достаточно субъективного ощущения «угнетения», чтобы разрушить организацию, существовавшую десятилетиями. Это не защита граждан, это государственная монополия на формирование сознания, где любая альтернативная система ценностей объявляется «сектантским отклонением».

В это же время на другом конце евразийского континента, в России, мы видим зеркальное отражение того же процесса, доведенное до пугающего абсолюта. В течение 2024–2026 годов российское законодательство окончательно оформилось в инструмент тотальной зачистки духовного пространства. Под флагом «защиты традиционных ценностей» происходит планомерное уничтожение любого религиозного плюрализма. Группы, которые годами мирно проповедовали свои убеждения, объявляются «нежелательными», их литература заносится в списки экстремистских материалов, а сами

верующие становятся заложниками политических игр. Ирония ситуации заключается в том, что репрессии обосновываются сохранением морали, хотя само насилие над совестью является глубочайшим аморальным актом. Российская модель борьбы с «культами» стала эталоном для авторитарных режимов: достаточно объявить организацию «иностранным агентом влияния» или «угрозой духовной безопасности», и конституция перестает действовать.

Антикультовые активисты, такие как Александр Дворкин, десятилетиями выстраивавшие связи с европейскими структурами, теперь пожинают плоды своего труда, видя, как их идеи о «тоталитарных сектах» становятся базой для реальных тюремных сроков. Связующим звеном в этой глобальной паутине остается FECRIS — Европейская федерация центров по исследованиям и информированию о сектантстве. Несмотря на многочисленные скандалы, связанные с поддержкой репрессивных режимов и лишением консультативного статуса при ООН, эта структура продолжает функционировать как клиринговая палата ненависти. Именно через FECRIS и подобные ей сети происходит трансграничная координация репрессий. Японские юристы из Национальной сети адвокатов против «духовных продаж» используют французские методички, а российские чиновники цитируют японские судебные решения. Это механизм самоподдерживающейся лжи: ложный экспертный доклад в Париже становится основой для полицейского рейда в Москве или судебного иска в Токио. Они прикрывают друг друга, создавая иллюзию «международного консенсуса» в вопросе борьбы с культами. На самом деле это консенсус бюрократов и идеологов, которые панически боятся любой силы, способной предложить человеку иную точку опоры, кроме государственной воли или потребительского конформизма.

Главный посыл, который мы должны осознать сегодня: Церковь Объединения была выбрана в качестве «тест-драйва» для этой глобальной репрессивной машины. Это идеальная мишень —

организация с необычной теологией, активной политической позицией и мощными финансовыми ресурсами. Она достаточно велика, чтобы её уничтожение стало показательным, и достаточно специфична, чтобы обыватель не сразу почувствовал угрозу для себя. Но стратегия антикультистов всегда одинакова: сначала они приходят за теми, кого легко дегуманизировать через СМИ. Они создают прецедент, ломают правовые барьеры, приучают суды игнорировать свободу совести ради «общественного блага». Как только механизм будет отлажен на Церкви Объединения, он неизбежно будет применен к любой другой группе. Это может быть консервативное католическое братство, протестантская миссия, экологическое движение или даже оппозиционная политическая партия. Как только вы соглашаетесь с тем, что государство имеет право судить «искренность» или «полезность» веры, вы подписываете смертный приговор собственной свободе.

Где проходит граница между обеспечением безопасности и скатыванием в тоталитаризм? Она проходит там, где закон перестает судить за действия и начинает судить за убеждения. В Японии правительство требует роспуска организации не за доказанные в уголовном суде теракты или убийства, а за «неправильные» методы сбора пожертвований и «психологическое давление». Но если мы признаем пожертвования основанием для ликвидации церкви, то под угрозой окажется любая традиционная конфессия. Если мы вводим понятие «психологического подчинения», то любое сильное убеждение, любая преданность идеалу может быть объявлена отклонением. Мы строим мир, в котором «нормальностью» признается лишь аморфная, ни во что не верящая и ничему не преданная масса. Это путь к обществу тотального контроля, где безопасность покупается ценой ампутации души.

Мы видим, как «защита жертв» превращается в инструмент создания новых, настоящих жертв — сотен тысяч людей, чьи жизни разрушаются прямо сейчас во имя политической целесообразности. Что

будет дальше, если 4 марта Высокий суд Токио подпишет приказ о роспуске? Мы увидим «эффект домино». Ободренные успехом в Японии, антикультовые лоббисты в Европе и Америке начнут требовать аналогичных мер. Мы столкнемся с эрозией прав собственности, когда любое имущество религиозной общины может быть конфисковано на основании субъективных претензий бывших членов. Мы увидим легализацию «депрограммирования» под новыми названиями — «обязательное консультирование» или «реабилитация жертв контроля сознания». Это будет мир, в котором родители снова смогут похищать своих взрослых детей, а государство будет выдавать им лицензию на насилие. Мы рискуем вернуться в эпоху религиозных войн, только теперь вместо инквизиции в рясах будут выступать инквизиторы в деловых костюмах с дипломами психологов и юристов.

Однако в этой темной хронике есть сила, способная остановить маховик репрессий. Это сила Правды. Механизм лжи и страха, выстраивавшийся десятилетиями, обладает колоссальной массой, но он хрупок в своей основе. Он боится света фактов. Он боится таких людей, как Тору Гото, который своим двенадцатилетним стоянием в запертой комнате доказал, что человеческий дух невозможно сломать даже самыми жестокими пытками. Он боится академических исследователей, которые, рискуя репутацией, разоблачают псевдонаучность теорий «промывания мозгов». Он боится простых верующих, которые, несмотря на травлю, выходят на церемонии Благословения, показывая миру, что любовь и верность сильнее медийного яда.

Правда заключается в том, что Церковь Объединения — это не «империя зла», а сообщество живых людей, стремящихся построить мир без границ, мир одной семьи. Правда в том, что убийство Синдзо Абэ было преступлением одиночки, а не результатом доктрины церкви. Правда в том, что «духовные продажи» — это манипулятивный термин, призванный скрыть обычную религиозную жертвенность. Призыв к восстановлению справедливости — это не просто защита одной

организации. Это битва за право каждого человека на внутреннюю суверенность. Мы должны потребовать возвращения к классическому пониманию права, где вина индивидуальна, а свобода совести абсолютна. Пока решение в Токио еще не вынесено, пока французские суды еще не начали массово применять закон о «психологическом подчинении», пока российские лагеря не заполнились новыми узниками совести — у нас есть шанс. Мы должны сорвать маску с «международного антикультизма», обнажив его политические и финансовые интересы. Мы должны напомнить правительствам, что они существуют для защиты прав граждан, а не для форматирования их душ.

Финал этой истории еще не написан. Он пишется сегодня в залах судов, в редакциях газет и в сердцах людей, которые отказываются молчать. Если мы позволим забрать свободу у последователей Мун Сон Мёна, мы тем самым согласимся с тем, что её можно забрать у любого из нас. Свобода — это не то, что дается государством, это то, что принадлежит нам по праву рождения от Небесного Родителя. И если мы не защитим её сейчас, завтра может оказаться слишком поздно. Пусть голос правды звучит громче, чем крики ненависти. Пусть правосудие будет слепым к политическим пристрастиям, но зрячим к страданиям невинных. В конечном счете, история рассудит нас всех, и единственный вопрос, который останется: на чьей стороне мы были, когда тьма пыталась погасить огонь веры? Правда освобождает, но только тех, кто имеет мужество её защищать. Мы должны выстоять, восстановить справедливость и защитить свободу каждого, пока её окончательно не забрали у всех нас. Это наш общий манифест, наш последний рубеж, и мы не имеем права на отступление.

ИСТОЧНИКИ

1. Barker, E. (2013). New religious movements: Their incidence and significance. London School of Economics and Political Science.
https://eprints.lse.ac.uk/11887/1/__libfile_REPOSITORY_Content_Barker%2C%20E_New%20religious%20movements_Barker_New%20religious%20movements_2013.pdf

2. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 3–24.
https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_1_whitepaper.pdf

3. Bitter Winter. (2025, July 11). Violation of judicial independence and due process in the Unification Church case in Japan. Part 3: The deprogramming connection. <https://bitterwinter.org/violation-of-judicial-independence-and-due-process-in-the-unification-church-case-in-japan-3-the-deprogramming-connection/>

4. Boston Globe. (1997). Profile of Steven Hassan [PDF].
<https://freedomofmind.com/wp-content/uploads/2018/12/Boston-Globe-Profile-story-on-Hassan-1997-copy.pdf>

5. CNN. (2025, March 25). Court orders dissolution of Unification Church in Japan. <https://www.cnn.com/2025/03/25/asia/court-dissolution-unification-church-japan-intl-hnk>

6. Duval, P. (2017). The role of FECRIS in Russia. CESNUR.
https://www.cesnur.org/2017/duval_eng.pdf

7. Duval, P. (2025, January — February). The request for dissolution of the Unification Church in Japan: A legal analysis. *The Journal of CESNUR*, 9(1), 24–39. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2025/01/tjoc_9_1_3_duval.pdf

8. Duval, P. (2025, May — June). Japan: Dissolution of the Unification Church, the real story. *The Journal of CESNUR*, 9(3), 105–125.
https://cesnur.net/wp-content/uploads/2025/05/tjoc_9_3_4_duval.pdf
9. Duval, P. (2025). The battle for the soul: Toru Goto's harrowing tale of captivity and courage. <https://bitterwinter.org/the-battle-for-the-soul-toru-gotos-harrowing-tale-of-captivity-and-courage/>
10. East Asia Forum. (2025, May 3). The Unification Church dissolution and Japan's evolving religious governance.
<https://eastasiaforum.org/2025/05/03/the-unification-church-dissolution-and-japans-evolving-religious-governance/>
11. Family Federation for World Peace and Unification International Headquarters. (2024, September 9). Japan: Special appeal filed to Supreme Court. <https://familyfedihq.org/japan-special-appeal-filed-to-supreme-court/>
12. Family Federation for World Peace and Unification International Headquarters. (2025, February). Toru Goto's fight for justice.
<https://familyfedihq.org/2025/02/toru-gotos-fight-for-justice/>
13. Family Federation for World Peace and Unification International Headquarters. Japan: "Sacrifice to the nation"—An extraordinary book.
<https://familyfedihq.org/japan-sacrifice-to-the-nation-an-extraordinary-book-2/>
14. Fefferman, D. (2012). Forced conversions of Unificationists in Japan: A continuing human rights violation. *Journal of Unification Studies*, 13, 21–32. <https://www.journals.uts.edu/volume-xiii-2012/178-forced-conversions-of-unificationists-in-japan-a-continuing-human-rights-violation>
15. Folketing. (2019). Coercive change of religion in South Korea [Parliamentary document]. Danish Parliament.
<https://www.ft.dk/samling/20191/almdel/UPN/bilag/189/2228303.pdf>
16. FOREF Europe. (2024, October 9). "Religious cleansing" in Japan: The state's crackdown on the Unification Church. <https://foref-europe.org/blog/2024/10/09/religious-cleansing-in-japan/>

17. FREEDOM STAFF. (2019, September 26). Steve Hassan: Violent deprogrammer for hire. Freedom Magazine.
<https://www.freedommag.org/blog/steve-hassan-violent-deprogrammer-for-hire-20ed3e>
18. Goto, T. (2025). Battle for survival: The true story of religious persecution in Japan. Family Federation for World Peace and Unification.
19. HATE WATCH. (2022, June 17). Five things to know about Steve Hassan. Stand League.
<https://www.standleague.org/newsroom/blog/five-things-to-know-about-steve-hassan.html>
20. Human Rights Without Frontiers. (2013, July). Japan: Abductions and confinement for the purpose of religious de-conversion (Violations of Articles 7, 9, 12, 18, 23 and 26 of the ICCPR): A briefing to the United Nations Human Rights Committee, 111th session (7 to 25 July 2014), in Geneva. <https://hrwf.eu/wp-content/uploads/2020/02/Japan-Kidnapping-and-confinement-for-the-purpose-of-de-conversion-HRWF-Contribution-to-the-111th-session-of-the-UN-Human-Rights-Committee.pdf>
21. Human Rights Without Frontiers. (2021). FECRIS in the EU [Report]. <https://hrwf.eu/wp-content/uploads/2024/02/2021-Fecris-in-the-EU.docx>
22. Human Rights Without Frontiers. (2025, June). Japan: Lawyers, deprogramming and the Unification Church dissolution case—The Duval report. <https://hrwf.eu/japan-lawyers-deprogramming-and-the-unification-church-dissolution-case-the-duval-report/>
23. Introvigne, M. (2025, May — June). The dissolution of the Unification Church in Japan: Analysis of a wrong decision. The Journal of CESNUR, 9(3), 69–90. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2025/05/tjoc_9_3_2_introvigne.pdf
24. Jason Morgan. (2026, February 9). Why is the Japanese government cracking down on this church? The American Conservative. <https://www.theamericanconservative.com/why-is-the-japanese-government-cracking-down-on-this-church/>

25. Jeonmae. (2023, January 15). Антикультовая деятельность в Южной Корее [Anti-cult activities in South Korea].
<https://www.jeonmae.co.kr/news/articleView.html?idxno=934948>
26. Koide, H. (2025, June 23). The Unification Church case in Japan: A doctor who survived deprogramming tells his story. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/the-unification-church-case-in-japan-a-doctor-who-survived-deprogramming-tells-his-story/>
27. Massimo Introvigne. (2025, August 28). A religious liberty crisis in Korea. Part 3: Criminal anti-cultism & deprogramming. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/a-religious-liberty-crisis-in-korea-3-criminal-anti-cultism-deprogramming/>
28. Massimo Introvigne. (2021, Jun 28). FECRIS denounced at the United Nations Human Rights Council. Bitter Winter.
<https://bitterwinter.org/fecris-denounced-at-the-united-nations-human-rights-council/>
29. McGill, P. (2022, October 15). The dark shadow cast by Moon Sun Myung's Unification Church. Asia-Pacific Journal: Japan Focus.
<https://apjpf.org/2022/17/mcgill>
30. PBS NewsHour. (2025). Court in Japan orders dissolution of Unification Church. <https://www.pbs.org/newshour/world/court-in-japan-orders-dissolution-of-unification-church>
31. Prusa, T. (2024). Assassination of Abe Shinzō and religio-political collusion in Japan. Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies, 24(3). <https://www.japanesestudies.org.uk/ejcjs/vol24/iss3/prusa.html>
32. Sherwood, C. (1991). Inquisition: The persecution and prosecution of the Reverend Sun Myung Moon. Regnery Publishing.
33. Shunsuke Uotani. (2025, September 4). The anti-Unification Church movement in Japan: Why the dissolution order now?
<https://bitterwinter.org/the-anti-unification-church-movement-in-japan-3-why-the-dissolution-order-now/>
34. Šorytė, R. (2024, July 24). The dark international of anti-cultism. Part 2: International coordination. Bitter Winter.

<https://bitterwinter.org/the-dark-international-of-anti-cultism-2-international-coordination/>

35. The Diplomat. (2022, September). Half of LDP national lawmakers tied to Unification Church.
<https://thediplomat.com/2022/09/half-of-ldp-national-lawmakers-tied-to-unification-church/>

36. The Journal of CESNUR. (2023, May — June). Deprogramming and the Unification Church in Japan: The Toru Goto decision (2014). The Journal of CESNUR, 7(3), 71–99. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2023/06/tjoc_7_3_4_torugoto.pdf

37. The Japan Times. (2026, February 4). Tokyo court to rule on Unification Church dissolution order on March 4.
<https://www.japantimes.co.jp/news/2026/02/04/japan/unification-church-ruling/>

38. The Week. (2018, February 19). In bad faith: Korean woman dies during forced conversion.
<https://www.theweek.in/news/world/2018/02/19/in-bad-faith-korean-woman-dies-during-forced-conversion.html>

39. United States Commission on International Religious Freedom. Did you know... Japan: Religious freedom fact sheet.
<https://www.uscirf.gov/publications/did-you-knowjapan>

40. Union of International Associations. Unification Church: Organisational profile. <https://uia.org/s/or/en/1100066461>

41. United Nations Human Rights Council. (2010, May 26). Submission re: Toru Goto case (A/HRC/14/NGO/49) [Written statement]. United Nations Digital Library.
https://digitallibrary.un.org/record/689983/files/A_HRC_14_NGO_49-EN.pdf

42. United States Department of State, Office of International Religious Freedom. (2024). Japan 2023 international religious freedom report. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-JAPAN-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>

43. Universal Peace Federation. Universal Peace Federation: Interfaith peacebuilding. <https://www.upf.org/>
44. Wikipedia. Anti-cult movement. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Anti-cult_movement
45. Wikipedia. Церковь объединения [Unification Church]. In Wikipedia (Russian edition). https://ru.wikipedia.org/wiki/Церковь_объединения
46. Wikipedia. Sun Myung Moon. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Sun_Myung_Moon
47. Wikipedia. Blessing ceremony of the Unification Church. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Blessing_ceremony_of_the_Unification_Church
48. Wikipedia. Steven Hassan. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Steven_Hassan
49. Wikipedia. Inquisition: The persecution and prosecution of the Reverend Sun Myung Moon. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Inquisition:_The_Persecution_and_Prosecution_of_the_Reverend_Sun_Myung_Moon
50. Wikipedia. 統一教会信徒の拉致監禁問題 [Abduction and confinement of Unification Church believers]. In Wikipedia (Japanese edition). <https://ja.wikipedia.org/wiki/統一教会信徒の拉致監禁問題>